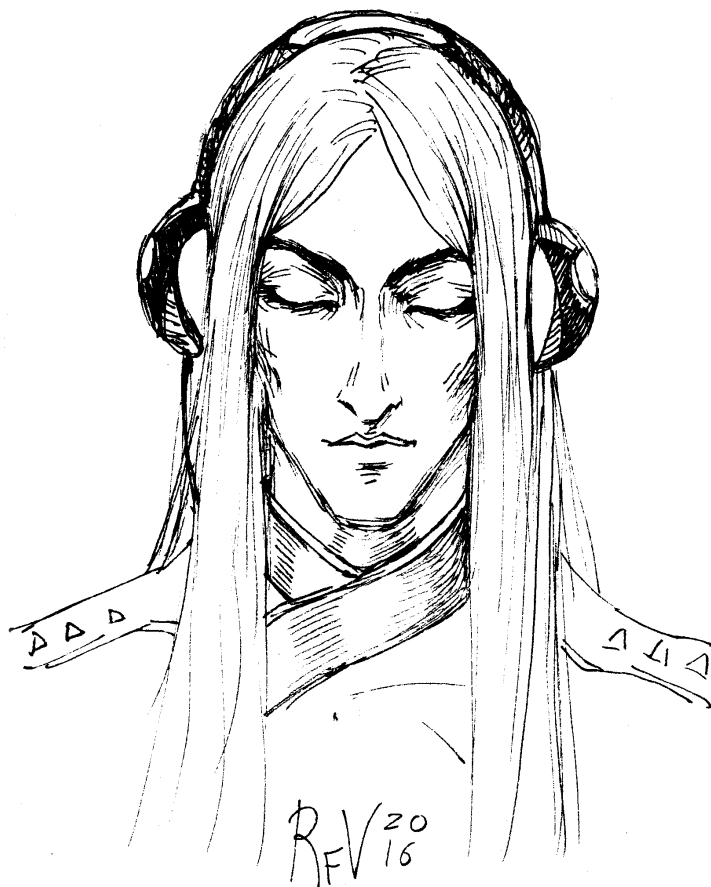

Ворон Аннуина

Стихи Agni Shivani

Мы не такие, не вылеплены из глины.
Нас обтачивал ветер до найденных верных линий,
Шлифовало море, выглаживая изгиб.

Мы обломки камня, мертвые без звучания,
Погребенные в море, без чаяний и отчаяния,
Позабывшие временем между бесплотных рыб.

И прибитые к берегу, призваны верной нотой.
Посмотри мне в глаза прозрачные, вспомни, кто ты.
И ступай, пока в волнах бестрепетных не погиб.

Восход полуночного солнца
ни рассчитать, ни отменить,
и я смотрю со дна колодца,
как в пальцах норны вьётся нить,
гадаю, упадут ли звёзды
алмазной пылью в бездну вод,
и что под рёбрами проснётся -
что запыхает, что пробьёт
холодный панцирь дерзкой воли.
Взгляд, узнаваемый до боли,
проникнет вглубь сквозь лёд зеркал:
«о, не меня ли ты искал?»
красив ощеренный оскал,
и смех неудержим до колик.

Пустынен ледяной пейзаж
на дне зрачка, в надире года.
Оборотнический кураж
и бесприютная свобода
лихого бега сквозь буран
подарят волшебство полёта,
но не залечат старых ран:
в них колдовство ножа, не мёда.
Прорваться пулей через ночь,
найти слова, чтобы помочь
себе продолжить и бороться,
разбитое - соединить.
Восход полуночного солнца
Не рассчитать.
Не отменить.

Приветствую читателей этого сборника!

Мое имя Agni Shivani, или же Ксения Жаркова.
Я пишу стихи. Мои стихи - свет солнца, скрытый за грозовыми тучами. Дом на Границе. Аид.

Я люблю красивые арты, и поэтому их в книге будет много. Большая их часть авторства моего друга и талантливого художника Rami fon Verg, но будут и другие восхитительные работы, об их авторах можно узнать в комментариях в конце книги.

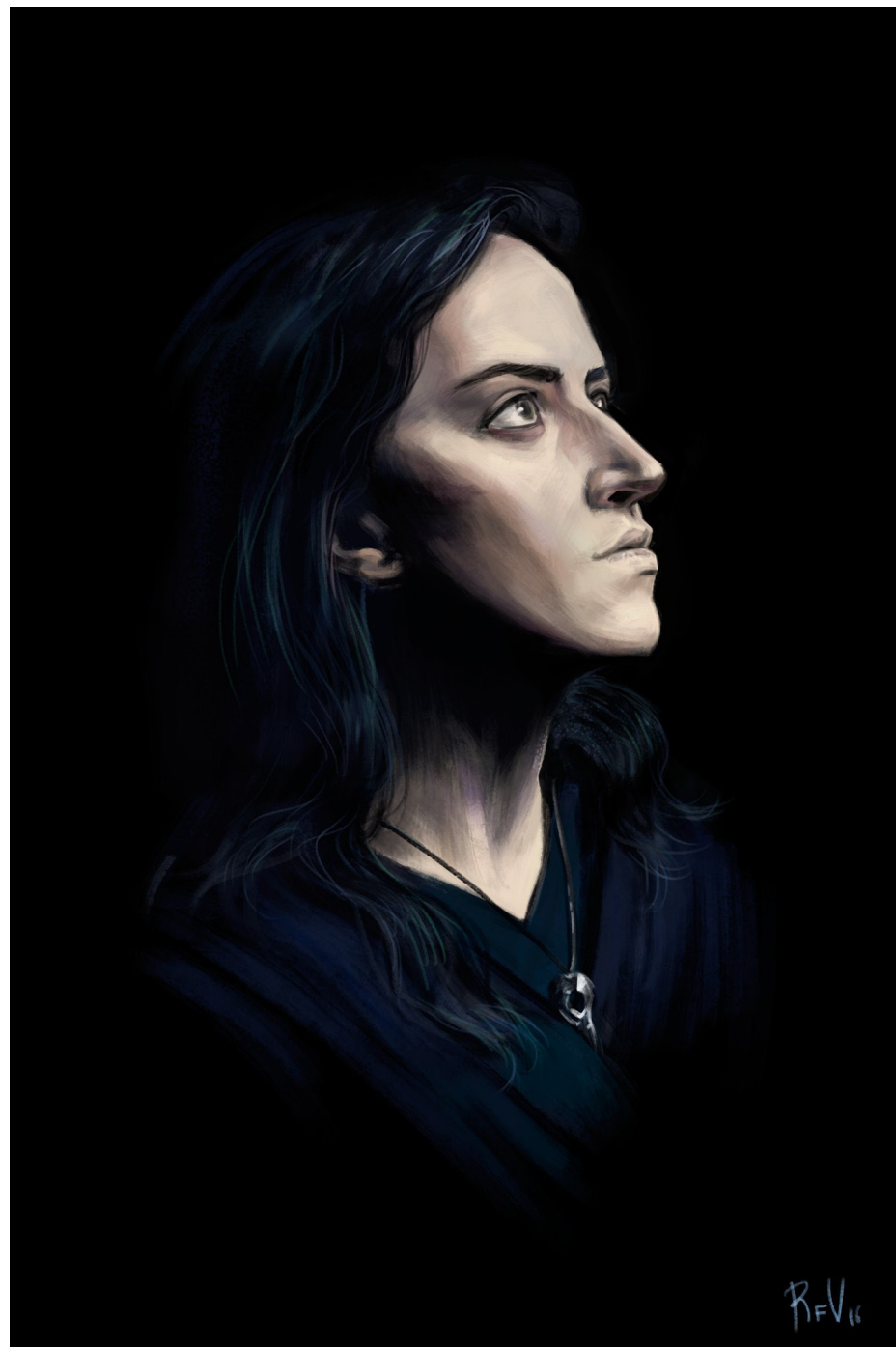
Это не первый сделанный мной сборник. В свое время у меня вышло две очень объемных, монументальных книги, в которых можно найти стихи, прозу, рисунки, фотографии - мои и многих десятков талантливых авторов, с которыми мы знакомы лично. Их можно скачать бесплатно на моем сайте.

Это «Врата Самайна и другие двери»
<https://www.phoenix-arts.org/vrata-samhaina.html>

и «Дороги Короля и иные пути»
<https://www.phoenix-arts.org/dorogi-korola.html>

Также мои стихи звучат под музыку скрипки в нашем проекте «Врата Самайна», его можно послушать на любой музыкальной площадке.

А сейчас следуйте за полетом Ворона, и пусть вас найдет волшебство...

Credo. Spero. Amo.
Венок сонетов

Мне светит месяц в темных волосах
В ночи, и днём, и на изломе года.
Как острое незримого клинка,
Несу в себе заветную свободу,

И переход за грань сильнее слов.
А танец на краю красив, как вспышка,
Сияющая пульсом трех миров
В моей груди. Так свет стремится выше,

Где беспредельность, словно океан,
Рождает блики в витражах соборов.
Иду за песней. Медленно ли, скоро -

Мгновенно исцеление от ран,
Когда застыли стрелки на часах.

...мне светит месяц в темных волосах.

I

Мне светит месяц в темных волосах
Твоей улыбки отраженным светом,
И каждый шаг как в танце - по костям,
Покрытым ароматным белым пеплом,

Меж птичьих перьев, черепов, цветов -
Душистых лилий, лотосов, полыни -
Где дым курится благовонных смол,
Где серебристых трав не тронет иней.

Где луч коснулся горного хребта,
Рассыпав смех, сверкающий на солнце.
Где сердце барабаном гулким бьется,

Когда его пронзает красота.
Твой месяц мне сияет с небосвода
В ночи, и днем, и на изломе года.

II

В ночи, и днем, и на изломе года
Звучит биение крыльев в небесах -
Скользит путями ветра вечный ворон,
Движением преодолевая страх.

Мир расслоился на ветра и токи,
И небо пробирает гладь пера.
Мы перед ним от века одиноки,
И мы - свободны. Нам дана игра.

Стрелой границу яви прошивая,
Он претворяет жизнь и смерть в одно.
И льется в мир поэзии вино,

И год скользит от ноября до мая.
Гортанный крик пронзает облака,
Как острие незримого клинка.

III

Как острие незримого клинка
Год расчертило по движению солнца
И фазам лунным, так твоя рука
Рисует путь для тех, кто отзовется

На тихий шепот ветра в октябре
И на протяжный вой рогов Охоты,
Несущейся по небу. Всадник-Смерть
Встречает душу ясным взором: «Кто ты?

И где то пламя, что сильнее меня?»
Что мёртво - в пепел, но крыло - к крылу.
Родится песня, размыкая мглу,

Из вечного и яркого огня.
От врат Самайна в зарево восхода
Несу в себе заветную свободу.

IV

Несу в себе заветную свободу,
Тайник мой без замка и без ключа.
Родство - по вере и любви, природа -
Пластична, как змея - в твоих лучах

Свернувшаяся кобра-ожерелье.
Прекрасен странный путь - за шагом шаг
За чуткой стрелкой, что трепещет в сердце:
Оно цветком лежит в твоих руках.

На полотне небес мерцают звезды,
И мир так юн, как сотни лет назад.
Через него сквозит, как ветер, взгляд,

Мгновение - вечно, и ничто не поздно.
Прольется через край моя любовь,
И переход за грань сильнее слов.

V

И переход за грань сильнее слов,
А у виска все медленнее ветер...
Случайно приподнимется покров...
/Случайно ли все лучшее на свете?/

Будь месяц острым призрачным серпом
Или луной, наполненной, как чаша -
Он освещает тонкое лицо.
Страшнее, чем разрушенная башня,

Прекраснее, чем все, кто снился мне.
Поэта смерть найдет не на войне,
Но в красоте, к которой близко - слишком.

Подхватит ли изящная рука,
Как черепа забытых птиц легка?..
...
А танец на краю красив, как вспышка...

VI

А танец на краю красив, как вспышка
В конце вселенной. Был рассказан мир,
Кто шел - смеясь, скорбя, без передышки -
Пришел домой. А дома вечный пир

И ничего тревожного не снится.
Так снилось мне. Хотелось танцевать,
Хотелось проскользнуть по тонким спицам
Идущего по кругу колеса

И незаметно оказаться в центре.
Ты веришь в чудо. Каждому - по вере.
Горит огнем сияющая кровь,

Когда над головой восходит солнце.
И радость в сердце белой птицей бьется,
Сияющая пульсом трех миров.

VII

Сияющая пульсом трех миров,
Твоя свобода растеклась по жилам,
Развоплощая цепь земных оков.
Твои глаза - небесные светила.

Мои зрачки повернуты вовнутрь
И зрячи так, как не бывало прежде.
Внутри меня и дом, и мир, и путь -
И песня о таинственной надежде -

И о тебе. Мой вечный андрогин,
Ты, я, и путь, и мир, и дом - един,
Но дао слов и точных формул чище,

И потому оставлю все слова.
Поэзия - звенящая трава
В моей груди. Так свет стремится выше.

VIII

В моей груди так свет стремится выше,
Как луч скользит по тонким витражам
И рвется шпиль в зенит, паря над крышей.
Взмывает феникс к небу, как пожар,

А небо вечно остается ясным,
Но к Авалону путь - через туман.
Мир кружит в танце - черном, белом, крас-
ном,
Вода течет к блаженным берегам,

Храня в себе сияние истока.
Замок и ключ - две стороны пера.
Созреют яблоки, придет пора -

И вздрогнет нить, изведав силу тока,
И шепот волн заменит слово там,
Где беспредельность словно океан.

IX

Где беспредельность словно океан,
Вода полынной горечи не знает,
И всяким судьбам свет бессмертный дан,
И легкость крыльев - дикой птичьей стае.

Все чуждое падет, как листьев медь.
Так серебро рождается из стали,
Как только тетива закончит петь,
Стрелу к заветной цели выпуская.

Я сквозь года летящая стрела.
Я змей, что в темноте меняет кожу.
Я прах и пепел на ветру. Но все же -

Как фениксом становится зола,
Так слово, обжигающее горло,
Рождает блики в витражах соборов.

X

Рождает блики в витражах соборов
Твоя улыбка, ясная, как свет.
Над ней не властен лет холодный морок.
Там, где она сияет, страха - нет.

Бамбуковая флейта нам поёт,
И звук проходит волнами сквозь кожу,
И где-то в подреберье тает лёд.
И музыка течет, на кровь похожа,

С моих ладоней, из-под языка,
Из сердца, необъятная, как море.
Стою меж небом и землёй. Без боли

Под кистью зарождается строка.
Пускай туманны призрачные горы -
Иду за песней. Медленно ли, скоро...

XI

Иду за песней. Медленно ли, скоро -
Взойдя до пика, опускаюсь в дол,
Построив храм, я покидаю город.
Расшит речной осокой мой подол,

Следы вечерним сумраком укрыты,
А шёпот ветра ласков и горяч.
Пускай меня ведёт Kami no itte
Оставляю вечной музыке свой плач -

Тогда и поступь станет вдруг легка.
Тогда и на земле проснётся лето,
Одетое в нежнейший белый цвет.

От вспыхнувшего чудом уголька
Когда в ночи расступится туман -
Мгновенно исцеление от ран.

XII

Мгновенно исцеление от ран.
Вздыхает тенью ветер в ковыле,
Цветочным саваном укрыт курган,
Огонь к огню, а прах земной - к земле.

Беловолосый, лёгкая рука -
За кругом круг - поёт в твоей руке.
Ты сердце беззаботного стрелка.
Волна стирает замки на песке,

И жемчуг тайно зреет в глубине,
Рождённый бликом, вдруг попавшим в цель.
Царит покой отсюда и отсель -

Как пепел, что рождается в огне -
Истлело всё, что источало страх,
Когда застыли стрелки на часах.

XIII

Когда застыли стрелки на часах,
Открылись в небе звёздные ворота.
На голубой траве блестит роса,
Огонь сокрыт под капюшоном грота.

Скользит по Стиксу легкая ладья,
Горит маяк сквозь световые годы,
Я - целый мир, и мир как будто я,
И чистый белый свет - моя природа,

И ты был здесь всегда, всегда, всегда.
Весть эта слаще смертного нектара,
И эта данность драгоценней дара,

И льётся меж ладонями вода.
Ловлю точёной кисти лёгкий взмах...
...Мне светит месяц в тёмных волосах.

XIV

Мне светит месяц в темных волосах -
И буквы проступают на бумаге.
Листы сгорают тихо и дотла,
Сияют нежным факелом во мраке -

Им жизнь вернёт пролившийся муссон.
Я верю в натяжение струны.
Играет кот, и рвётся ввысь дракон,
Раскаты грома издали слышны,

Подобные ударам барабана.
В начале танца соверши лишь шаг,
Потом живи - дурак, ребёнок, маг -

Отдавшись сердцем ритму океана -
И пусть оно поёт, развеяв прах.
...мне светит месяц в тёмных волосах...

Стихи по словескам, сыгранным с Rusco

Piercing Blow

Постпродакшн и постмодернизм, жизнь после смерти.
Твои персонажи давно уже вышли в тираж,
А ты - остаешься. Порой достаешь из конверта
Листы, что исписаны плотно. Прозрачный витраж,
Пронизанный светом с другой стороны небосвода.
Безжалостный ангел, чьи стрелы точны и легки.
И ты - будто город, который уходит под воду,
Пока не отступит волна, обнажая пески.

И тянутся к небу клыкастые белые башни,
Сквозь годы, сквозь жизни, сквозь сердце и разум,
сквозь плоть.
Пусть чувства - руда для стихов.
С каждой строчкой - шаг дальше.
Блеснет ли мой шпиль над поверхностью пасмурных вод?
От острой, разящей любви, словно рыба, немея,
Я знаю, что не одинока и в этой судьбе.
Но знаю и то, что о смерти от стрел не жалею.
Высокое небо, я ближе.
Все ближе к тебе.

Из крови раненой сосны рождается янтарь.
На поле битвы расцветают маки и цикорий,
И на исписанных страницах сохнет киноварь.
Ты - флейта полая для музыки историй.

Звонкая нота, сорвавшаяся, как камень,
Влекущий лавины безудержной мощный поток -
Когда ты к самой красоте прикоснулся руками,
Ты ранен смертельно, но больше не одинок.

Когда тебе так красиво, что слишком больно -
Я знаю отраву, которая исцелит:
Быть достаточно сильным, чтобы дышать Любовью,
Но знать, что она никому не принадлежит.

...вот ворон, вот лис, вот следы их, язык и знаки.
вот и тонкие черные буквы на хрупкой бумаге.
вот и имя извечной, тревожащей красоты,
вот и зеркало сидов. теперь в него смотришь - ты.

Hommage

На яркий свет глядят издалека.
Твой взгляд остер, легка твоя рука -
Но выдает походка чужака,
Горячность жестов и резные скулы.

Я отражаю свет, как гладь воды.
Тепло огня хранят твои следы,
И аромат нездешней красоты
Скользит тебе вослед в потоках улиц.

Ты - песня, танец, миф. Не человек.
И я готов прожить свой краткий век,
Плывя, как лист, в волнах столичных рек
И зная: мы хоть раз не разминувшись.

Но что же? Ликование толпы -
Ты ль на коне, со свитой? Все слепы.
Кусок стекла в глаза пускает пыль -
Но мертвый свет не равен свету солнца.

Земля скользит, уходит из-под ног.
Услышу, отыщу, успею в срок -
Пусть мне поможет самый древний бог,
Чей смех в ударах пульса раздается.

Так час настал. Тебе - моя рука,
И жизнь, и верность, сердце дурака -
Я был в раю, наверное. Я украл
Из царства тени гаснущее солнце.

Обряд. Ладони вложены в твои -
И сердце, задыхаясь, ловит ритм,
Когда ты заклинание творишь,
И я теперь на солнечной орбите.

Лист серебра - ожогом на груди.
Сплелись в один небесные пути.
Мой лорд-дракон, мой принц - лети, лети...

От солнца взгляда мне не отвести.
Весь мир пронзают огненные нити.

Эйрик ап Диармайд >> Ирсан Кхаала

Знаешь, я...

не могу, не хочу назвать цену драконьей жизни,
не сумею забыть нашу терпкую ночь без правил,
я не смею роптать на судьбу... подожди, мой принц, я
не способен сказать, что навеки тебя оставил.
я растратил все жизни, как ставки, но все же вышел
из-под власти судьбы, раздарил, разбросал ее карты -
и покинул наш мир - навсегда. но я все же ближе,
чем посмел бы надеяться и - чем ты можешь представить.
я... осколок души серебряного дракона.
может, ты улыбнешься - я помню твою улыбку.
раз увидев ее, до конца ей был ослеплен, и...
я люблю тебя. время исправить одну ошибку.

говорят, будто нам не дано проживать две жизни
в одно время и в разных мирах - но игра без правил.
эта новая жизнь - для тебя. мир смотрел на нас - и
понял, что мне никак невозможно тебя оставить.
я пришел, чтобы быть с тобой и тебя беречь.
примешь гостя, милорд,
цветок, похожий на меч?

Eiric >> Darren

Я запел для тебя, чтоб сложилась хоть капля смысла
В том, что здесь между нами - средь скал, в Тенях - проис-
ходит.

Я... конечно, люблю. Это не прозвучало чисто,
Но услышь это слово в сплетеньи моих мелодий...

Я прошу. Это шутка твоей и моей судьбы,
И теперь за нее я отчаянно благодарен.

Пусть я видел - у смерти и моря твои черты,
Это значит, что ты и в конце будешь рядом...

Даррен.

Я пою для тебя о волнах, что скрывают бездну,
Наполняя ее горькой, пряной темной водой, и
О вершинах, с которых ведут пути в неизвестность.
О ветрах, что плетут дороги живых историй,
И лучах, прогревающих землю до древней кости,
Размыкая заклятую власть колдовского круга -
Так весна, проступая сквозь камень, возводит мост - и
Распадаются цепи. Очищаются раны. С юга,
Будто войско, идет все смывающая гроза,
А в шлифовке камней бесконечно искусно море.
Моя тень, сердце тьмы, подними на меня глаза.
Меч рассвета пронзает судьбу.
Дождь прольется вскоре.

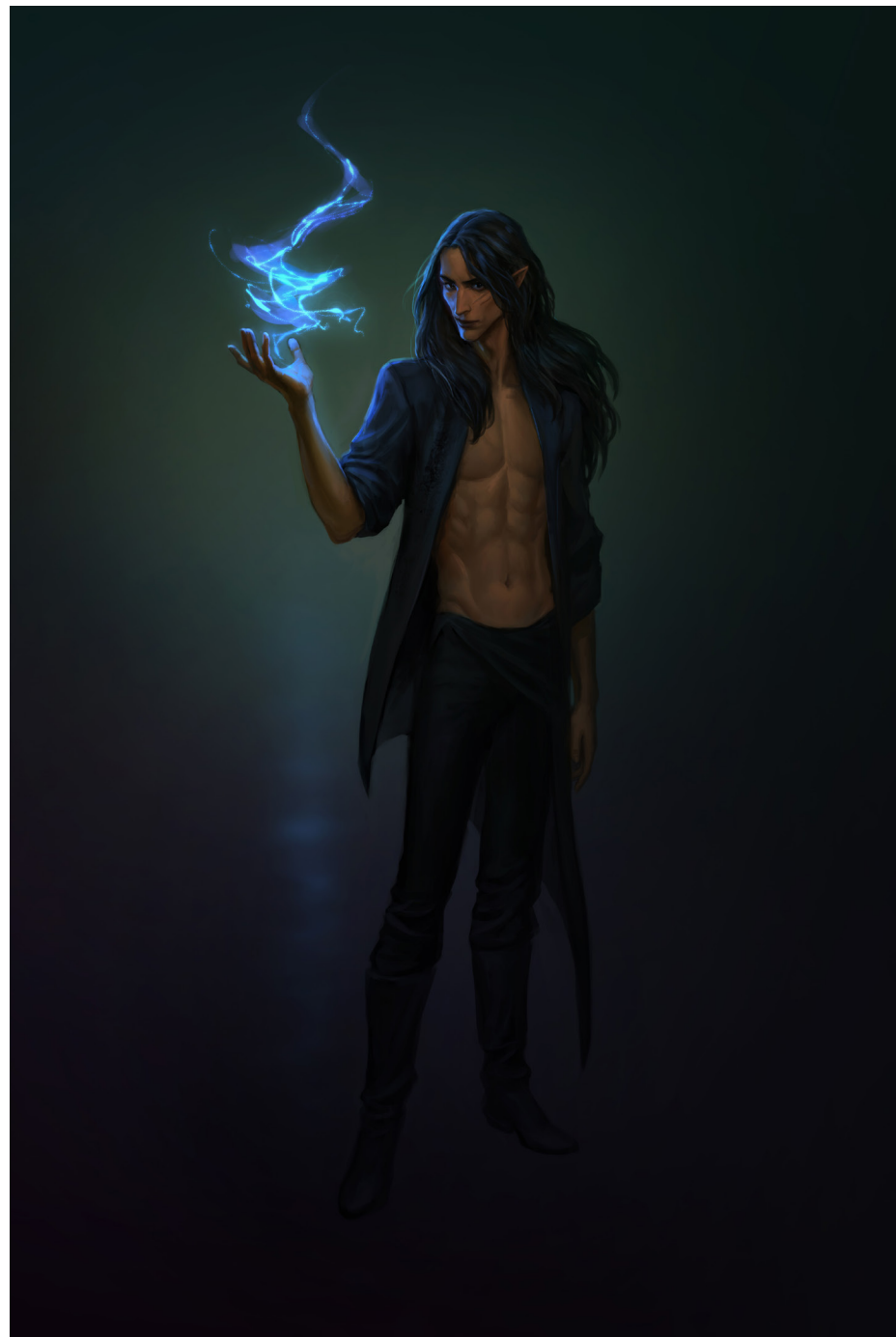
Eiric/Darren

Нет мне покоя вдали от моря -
В море обещан вечный покой...
Я засыпаю под шум прибоя,
Чем бы ни грезился мир за кормой.
Сонмы чудовищ морских на берег
Жадно глядят в ожидании дня...
Ветер наполнил парус - верю:
Море встретит меня.

Нет мне покоя вдали от моря,
В море - искристый белый свет.
Только безумец с волнами спорит,
Только влюбленный ответит «нет».
Только сновидец увидит тени
И солнце, пронзившее их стрелой.
Волн ледяное прикосновение
Будет желанно мной.

Нет мне покоя вдали от моря,
Вечно таящего непокой.
Рифов холодный оскал ускорит
Путь мой в объятия бездны морской
Вот на губах вкус горчащей соли,
В горле полынная сладость воды...

Белое пламя взметнется на волю,
Море скроет следы.

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!
(с) Н. Гумилев, «Волшебная скрипка»

Autumn Hunt

А и кто же тебя позвал-то в эти страшные чудеса?
Твой смычок задрожал над скрипкой, как на грани клин-
ка - роса,
И взметнулись в багряном танце вихри листьев, кружа,
как рой -
Из-под пальцев твоих струится то ли музыка, то ли вой,

И суставы пронзает холод - это пристальный взгляд в
упор
Тех, кто чувствует, тех, кто слышит, понимает твой разго-
вор.
Тишина, как прозрачный купол, ограждает тебя от нас -
Только сердца неровный стук и только взгляд неподвиж-
ных глаз,

Только волосы треплет ветер, будто вороновы крыла -
Только музыка в целом свете, краткий миг, где душа жила
-

Эта нить оборвалась звонко в стылом воздухе октября.
Тишина. Тишина - и только. И ладони твои горят.

Не смотри, - слышен голос тонкий.
- Не играй. Он услышал. Зря.

The Flute of the Wind

Это чувство, когда просыпаешься среди ночи
Оттого, что сердце решило пройти сквозь ребра,
И тоска об него свои острые когти точит.
Предвкушение чуда, изящного, будто кобра -
Вспоминаешь: в безветрии парка рождалась буря;
Цепкий взгляд меж лопаток, прямой, ледящий, жгучий.
Иглы холода нити незримые протянули,
Искры пламени зарождались из их созвучий.

Тихий шелест деревьев зовет проскользнуть по следу
Невесомых теней ржавых листьев, по нитям зова.
Пальцы тянутся к скрипке, душа ее рвется к небу,
И она - проводник, что способен промолвить слово,
Когда губы немеют, и речь уже позабыта,
Осторожность проиграна тонкому резонансу
С невесомым касанием чуждой и властной силы,
С нерушимыми чарами древнего злого танца.

Так рванулся в окно, приглашая, холодный ветер,
Так пустынные улицы сами легли под ноги.
Желтый свет фонарей угасал, мою тень заметив,
Тихий парк у реки мне шептал, отводя тревогу...
Голос странный, чужой, говорил - «не ходи, опасно»;
Голос нитей звенящих манил - «я так ждал: иди же»,
«Ты ведь слышишь меня,
Ты желаешь в мой вальс сорваться,
Ты почти на пороге. О, ты - лучше многих... ближе...
Я открою тебе несказанную красоту.»
Я бегу. Вижу пропасть. И перехожу черту.

Feuer Frei

Темная лестница, тихий хрустальный смех.
Страх в твоей душе не хватит на всех,
Света в твоих глазах до сих пор - довольно.
«Сделай красиво, слышишь, не делай больно...» -
«Если боишься, просто вернись назад.
Здесь красота - острое, и касание - яд.»

Гулкие своды под старым амфитеатром.
Холод и голые стены, ни грана жизни.
Помнят ли плиты бетона, как были камнем?
Ты - человек, или только бесплотный призрак?
В трещине пола, непрочен и одинок,
Ласковым пламенем дивный пророс цветок.

Так и застыть бы в трепете - на века:
Бархатом нежным к тебе протянулась... музыка.
Взять ее в руки, теплом напоить - успеи...

Вспышка. Падение. Пляшущий свет свечей,
Праздничный зал усыпан алой листвой.
Тысяча глаз
молча
следит
за тобой.

Ag

Ты сейчас глубоко под землей, где сплетаются корни,
Где опавшие листья скользят под _их_ пристальным взглядом,
Где в танцующих бликах свечей восседает на троне,
Прорастающем сквозь темноту - что за встреча! ты рад ей?
(Ты идешь к нему будто сквозь воду, не слыша шагов) -
Тонкий бледный король в темной мантии (пояс - как кровь).

Ты склоняешься пред королем Неблагого двора.
Он смеется беззвучно. Так приняты ставки. Игра.
«Я желал разглядеть тебя ближе. Ты чувствуешь струны...
Посмотри мне в глаза. Разве гость в этом мире подлунном
Вправе дерзко украсть то, что встречено в доме чужом?
Этот алый цветок был мне дорог,
Тебе - незнаком.»

«Это ловкий обман!» - Зал тревожно откликнулся эхом. -
«Это - право мое, а тебе за свой долг отвечать.
Или... станешь игрушкой. Какой?!» (кто-то прыснул от смеха) -
«Я подумаю, как и во что мне тебя превращать.
Ах, согласен! Я рад. Мне, признаться, немного и нужно:
Только год и еще один день твоей искренней службы.

А цветок... это огненный дух. Раз сорвал - забирай.
Я желаю услышать ту музыку снова.

Играй.»

White Wind

*На ветру нельзя долго стоять. Тем более на этом.
(с)*

Помню покои цвета осенних сумерек -
Помню за окнами вереск и вечный ветер
Помню вино колдовское из чаши серебряной,
лёгкое, как паутинка в осеннем небе.
Помню вопрос, не требующий ответа
Помню реальность чудеснее всяких снов...

...имя, которое знают и слышат Тени
...отблеск луны на белой и гладкой коже
...эхо звучавших голосом птиц заклятий
...время застывшее, гибкую плоть пространства,
что пропускает владеющих тайной силой,
складываясь и петляя через себя -
но возвращает меня к нелюдскому ветру
в поле, покрытом вереском до горизонта -
ветру Той-Стороны-для-Той-Стороны

Где бы я ни был, что бы теперь ни делал -
ветер всегда на расстоянии вдоха,
переплетает прохладой черные пряди,
точит до тонкости листьев высокие скулы,
властно зовёт к пробуждению древнюю кровь.
Замок осенний огромен, но лёгок, как тайна
Сеть переходов меж залами, лестниц, арок,
в стрельчатых окнах - от первых дождей листопада
до первого снега на вычерненных ветвях...

и ветер сквозит и скользит по камням галереи,
открытой на пустошь, где вереск до горизонта,
чарует и манит, зовёт постоять на грани,
еле слышимым шепотом напоминает имя
того, кто знаком с тем ветром и сам им дышит,
того, кто теперь проводник за черту границ.

...посвист стрелы, что вонзается плотью в камень
...шелест и шорох листьев в холодном ветре
...сердце осени, излома времени, ветра, бури
...сила, стянутая до точки в окне аллеи
...взрыв, рассеявший белый ветер по поднебесью
...вспышка под веками белого вечного солнца
...и тишина, принимающая в глубины
бессознания
белая прядь на вороньих перьях.

N. A.

Твои волосы, нити из призрачной паутины,
Терпко пахнут кострами, в которых сжигают листья -
В стылых сумерках, среди влажных колец тумана
Дым в прозрачные воды к стальным небесам восходит.

Твой внимательный взгляд поднимает холодный ветер;
Невесомо касается кожи, будя тревогу,
Повергает в смятение души неосторожных,
Кто не спрятался за дверьми и железной цепью,
Тех, чье сердце возносится к небу в воронке листьев,
Запинаясь, когда ты внимательный взгляд отводишь.

Кожа пахнет подернутой инеем горькой полынью -
Запах ветра с заброшенных пустошей - белого цвета -
Что ладонями перебирает сиреневый вереск,
Запах ветра с другой стороны, с путей без возврата.

Твое сердце хранит беспокойную темную воду,
Нестерпимую мощь, что подобна движению лавины;
Наполняет безмолвием око ликующей бури,
В нем есть белое солнце иной стороны покоя.

Ты сказал мне о самой великой, священной власти,
Белоснежными пальцами перебирая струны,
Что звенят от дыхания легкого белого ветра.
Ты коснулся моей души,
серебрянорукий.

The Storm

Я видел, как надо мной разыгралась буря.
Из штиля, безветрия, серо-стального неба.
Из ветра, чуть слышно касающегося кожи.
Из тихого вздоха деревьев - сорвались листья.
Из белого росчерка молний на горизонте.

Я видел, как бьется ворон в потоках ветра,
Трепещет и бьет крылами в порывах бури,
Обрушившей на него свою страсть и ярость.
Я видел, как крик гортанный уносит ветер,
И видел, что воздуха больше не хватит для крика.

Я видел, как вдруг изменилось его обличье,
Как вспыхнули перья, меняя свой цвет и свойства,
Как грудь задрожала - и будто остановилась.
Я видел перерождение в сердце бури.
Я видел благую смерть.
Я взмываю в небо.

...Неслышно парит над волнами бессмертный ворон.
Но я еще смертен, и темны мои одежды.
Я слышал - вокруг меня зарождалась буря...

Бал на Самайн

I

Наступает Самайн, будет бал Неблагого двора.
Так с порывом осеннего ветра является холод
И огонь алых листьев, точёная - взмахом - рука,
Чёрный с красным, и мир - вечно стар, вечно молод,
Вечно замер на грани и медлит скользнуть за порог...
Ты срываешься с ветки, как лист, в оглушительный танец
(Этот чёрный как ночь, этот красный, конечно, как кровь;
Это белое - кости в короне застыли зубцами -
Или листья и травы впитали сияние Луны?)
Наступает Самайн. Людям снятся тревожные сны.

II

Ты играешь для тех, кто танцует под полной луной, -
Под землёй ли, за гранью, у пустоши на краю...
Ты почувствовал взгляд - яркий, огненный, дерзкий,
живой -
Вспоминаешь мелодию, скрипка поёт - «я люблю...»
Чьи-то руки крадут тебя в танец, как будто крыла
Поднимают над временем, кружат, лелеют, летят...
Словно время стекает с лица, облетает зола -
И ты видишь, каким оно было эпохи назад...
Убегая со смехом под своды иных времён,
Слышишь шелест и шёпот, дыхание, шорох и звон.

III

Анфилады и фрески, летящая вдаль стрела
Меч серебрянорукого, шлем для богини ворон
Гобелены сквозь сумерки, дней и ночей игра -
И кому-то приснится красивый и страшный сон,
И чьего-то лица вдруг коснётся завеса тайн...
Ты летишь в сердце осени, празднуя бал на Самайн.

Samhain

В эту ночь без следа растворяешься в белом ветре.
В ночь, когда исчезает граница меж «тем» и «этим»,
Между «мной» и «тобой», меж тьмой и звенящим светом,
Между правым и левым, неправильным и священным.
(Между искрой и снегом, дарами жизни и смерти.)

В эту ночь ты шагаешь во тьму, обретая крылья,
И скользишь, словно лодка, среди тишины нездешней.
Смерть баюкает, как дитя, исцеляя душу,
Возвращает под утро в ладонях ласковых птицу,
Если окна открыты, и бьется за ними пламя.

Колесо повернется, и выстроится граница.
Солнце встанет над лесом, и снова начнется время.
Тонким лезвием нити обрежет беловолосый,
Но ничто уже никогда не будет как прежде.
Не останется ни сомнений, ни лжи, ни страха.
Поседевшая прядь ляжет в волосы, словно иней.

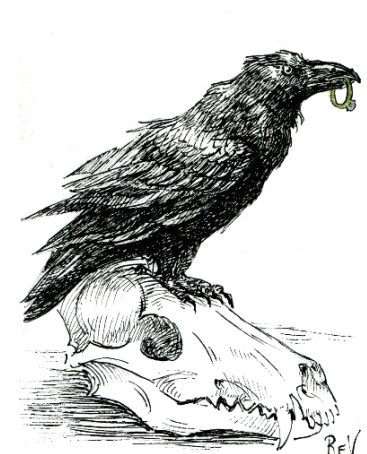

Подражание Востоку

Человеческий сын, опасайся, ты слишком прекрасен.
Даже духов стихий в беспокойство твой лик повергает.
Берегись, восхищение их смертным снести не под силу.

Солнце, взгляд устремляя горячий, обжечь может кожу,
Даже душу иссушит тот жар, что из искры родится.
Тайны недр земных, раскрываясь, навеки чаруют
Молчаливым причастием тому, что не в силах осмыслить.
Так вода из оазиса ласковой рук человеческих
И прохладнее сумерек - вдоволь напиться возможно ль?
Только ветер тебе дарит крылья - что выше полета?
Вот рассвет над пустыней ты видишь, от скачки немея.

От даров этих странных и страшных отвлечься непросто,
Как непросто, увидев тебя, в тот же миг отвернуться.
Если дорог тебе, лучезарный, твой собственный разум -
Береги свое сердце, следи за ним, трепетным, зорко.

Снег

Снег терпелив.

Снег умеет так долго ждать - почти бесконечно.

Но он видел тебя, и он снова придет за тобой.

Предвещая начало зимы, мягко ляжет на плечи.

Тихо выставит путь звёздной россыпью.

(Шаг по прямой...)

Снег касается ласковей сна, невесомей, чем время.

Он баюкает чувства и звуки, ложась, как печать.

Снег спокоен и ласков, скрывая и пепел, и семя,

Что травой прорастет из-под снега

(Тебе отвечать).

Снег приходит всегда точно вовремя - раньше ли, позже.

Он запомнит все то, что ты сделал, и что не успел,

Превращая в морозные звезды, что жгутся на коже.

Снег все примет, открыв свое сердце.

(Ты - снегу - посмел?..)

Шерре/Кайе » Эйарр

Что же ты за отравы, мой цветок?..

Мой император, в слепящем небесном свете
Ты подобен снегам на вершине горы запретной.
Я станцую тебе свои лучшие танцы трижды.
В первом из них будет жарко клубиться пламя.
Будут струиться, как змеи, длинные серьги,
Будут взметаться гранатово-алые пряди.
То будет танец огня и разящей смерти,
Танец моей опаляющей жаром страсти,
Ты будешь смотреть его в черном - снег на пепелище -
И взгляд твоих глаз разноцветных пронзит мне сердце.
Ты сам дашь мне новое имя - я Ирис. Кайе.
Как цветок, упаду бессловесно пред сыном солнца.
Прости, безупречный, но я твою ранил душу,
Как ты мою ранил, явившись в потоке света.

В танце втором будут звонко смеяться льдинки,
Соприкасаясь, звенеть хрустальные шпильки.
Снег будет виться, взметаясь в прохладном ветре,
Будет сиять в самых первых лучах рассвета.
Будут движения быстры, как взмахи лезвий,
Четки, стремительны, будто бы дождь из копий.
Солнце и небо в глазах твоих, мой повелитель.
Иней и пламя в ладонях твоих сияют.
...меня привезли сюда с юга, из тех далеких
Краев, где небесный огонь иссушает землю.
Меня обучали при храме немирного бога -
Тебе справедливо твердят, будто я опасен.

Да... я могу убивать, прикасаясь точно -
Но светом твоим поражен, и пред ним бессилен.

В третьем же танце взовьются покровы ночи,
И в волосах расцветет фиолетовый ирис.
Мед и луна, птичьи песни и шорох моря,
Жгучие тайны за плотно закрытой дверью.
Кто сотворил эту ночь, звезды на небосклоне?
Кто пробуждает цветы от полуночной дремы?
Ирис к ногам твоим бросив, в поклоне застыну.
Ты называешь меня и цветком, и отравой.
Ты кормишь ястреба, руки испачкав кровью.
Ты позволяешь мне произнести твое имя.
Ты позволяешь себе, что не смел позволить.
Так станцевал для тебя я три лучших танца.
Глаза закрываю - и взгляд твой касается сердца.
Сын солнца, о чудо чудес, заведи меня
в небо.

Колесо года

Скальпель

Листья опали - и контуры стали ясными,
Четко-контрастными в призрачном свете дня.
Будь спокоен и строг: скальпель времени лечит ласково.
От отточен острее серебряного копья.
Вот ладони протянуты с той стороны безмолвия.
Вот твои прикасаются к ним, замыкая кольцо.
Зажигай изначальный огонь и смотри: исполнилось.
Нет предела, нет грани. Смотри же в свое лицо.

anaesthesia

- Ты должен научиться состраданию, подобающему нашему ремеслу.
- В чем же оно выражается?
- В остроте лезвия.
(с) «Мор, ученик Смерти»

Снежная мгла обнимает плечи, руки, живот, колени -
больше тебе не больно: звонко, ласково и светло.
Ангел-хранитель, нежнее снега и невесомей тени,
смотрит в глаза с нелюдской любовью:
время чудес пришло.
Если свистит, рассекая, скальпель,
в танце порхают руки -
можно смотреть бесконечно долго,
как безупречен ритм.
Это умелый и верный ангел
с тонким чутьем хирурга
сам совершает с тобой работу,
не уступив другим.
Тонкая, звонкая, в лед врастая,
здесь ты живешь иначе:
пьешь, как бальзам,
совершенство линий,
холод и остроту.
«Это пройдет».
И когда растает
лёд и наступит «дальше» -
останется след от любви, способной
переступить черту.

я беру мрамор и отсекаю лишнее (с)

Тишина безвременья.
Дом, потерянный душой посреди нигде,
Открывает двери.

Лодка без весел
Тихо скользит
В море тумана...

Как упрямы
Красные ягоды:
И в Луну Мёртвых...

Круглое око луны
Заглянуло в окно, как вестник.
Различаешь безмолвную речь?

Вновь асфодели в цвету.
А наверху - что за диво! -
Теплый ноябрь.

Дикие травы Самайна
В инее целый год.
Не так ли ключи в ладонях?

Недаром пустая руна
В конце уходящего года
Так похожа на дверь.

один взмах крылом -
и пустота
толкает выше

Ветер создает крылья.
Крылья создают ветер.
Ansuz

Танцующее пламя
Под тонкой коркой льда.
Договорились.

Одной рукой
Заморозит воду. Другой рукой
Зажигает свечи.

Тихая охота
за совершенной формой
Кристалла.

Хугин и Мунин не скажут,
Что происходит, когда я
Гуляю по Той Стороне.
Как их зовут за Гранью?

От пролитой крови листьев
Загорелось небо.
Наутро посыплется пепел.

Нырять на дно своих страхов.
Поймаешь жемчуг.

Несовершенство превращается в искусство,
Подернутое коркой льда.

Аид

Девочка-девочка,
черный человек уже в твоём городе.
Видишь, как листья в два дня потемнели от холода?
Скоро наступят недобрые времена.
Время холодной ночи и время сна,
Готова ли?
Девочка-девочка,
черный человек уже на твоей улице.
У подъездов молчит,
огоньки зажигает,
сутулится.
Говорят, от него
никогда и никто не ушел,
А он -
не торопится.
Девочка, слышишь,
стучат в окно?
Не вставай, и лица
не показывай,
но...
От запретов вовек
не бывало толку.
А она открывает окно.
И глядит на нее Аид.
Говорит -
«Любимая,
как же
долго.»

Персефона - Октябрь

Когда выпадает снег и приходит ветер,
И вести приходят на крыльях ворон неспящих,
Когда сизые тучи бегут от ветров, как дети,
Потерявшие взрослых в пустой одичавшей чаще,
Когда тени ложатся, темны и быстры, как кони,
Когда кони хрипят, отступая от края леса,
Когда смолкнет за дальним холмом шум чужой охоты,
И что было в прошлом - уже не имеет веса...

Я узнаю тебя по звукам безмолвной песни,
И еще - по шагам, различимым на грани слуха,
И еще по тому, как спадает с лица завеса,
Лишь коснутся его твои ледяные руки.

Persephone n+2

(Персефона - Ноябрь)

Когда отпоеет, оттанцуется и отболит,
И неважно, кто был за белых, а кто - за чёрных,
Несущественно, кто стал бессмертен, а кто - забыт -
Наступает ноябрь, наш серебряный
месяц
мёртвых.

Твои пальцы, холодные, жесткие, будто сталь,
Обнимают запястья - и вмиг леденеет вода.
И стремительно гаснут, на счастье, как мне ни жаль,
Звёзды, бывшие лишь отражением в глади пруда.

И твой голос, бесстрастен и тих, призывает смотреть
В обескровленный мир, что лишен и надежды, и лжи.
«Ты сама себе путь, и сама себе жизнь, и сама себе
смерть.»

И коснешься колоды - посыплются лишь ножи.

И за то я люблю тебя, вечный союзник мой,
Что и в месяц острейшей и сумрачной красоты,
И на той стороне, и за медленной темной рекой,
И на дне небосвода со мной остаешься - ты.

Он вышел на битву, как ночью приходят кошмары.
Был взгляд его темен, и раны зияли алым,
Казался он выше деревьев и старше бури,
Дыхание его заморозило луг и лес.
И взгляды немые в одежде его тонули -
Там виделась бездна и лед, и течение дней,
Стеклянная башня, и море, и, наконец,
Лицо, что прекраснее света их вечной жизни.
И молча они стояли, готовясь к тризне,
Пока, как лавина, сорвавшаяся с горы,
на них надвигались когти, клыки и иглы,
И зов пустоты, и, плаваясь в безумном тигле,
Вся память фомора, текучая, как вода...
и да,
Неуязвимая для любого копья -
Стальная и гладкая, мертвая чешуя.
Лишь только один посмел посмотреть в глаза -
И видел, как ядом течет по щеке слеза.

Под небом цвета тумана
Воды как грозовые тучи.
Из них, волной поднимаясь,
Встает Стеклянная Башня -
Хребтом из костей драконьих
Растет из подземных залов,
И ряд отточенных ребер
Вокруг берегут твердыню.

В пространствах меж позвонками,
Меж древних костей драконьих
Натянуты чуткие струны.
Их часто касается ветер,
Предвестник великой бури,
И музыка пробуждает
Волну со дна океана -
Но остается светом,
Всегда остается светом.

Сияет маяк с вершины
Волнам, берегам далеким.
Разбужена музыка, дымкой
Обвивает хребет драконий.
За водой остановится путник,
Бросив взгляд на Стеклянную Башню -
И услышит: на дне океана
Свет струны пробуждает волны.

Нуаду » Луг

За высоким холмом есть серебряная река.
Холодны ее воды, и тьма ее глубока.
А на той стороне реки обещан покой.
Я туда дотянулся правой своей рукой.

Я хранил эту землю от зла и жестоких бед.
Реки красные лентой струились десятки лет,
И меж светом и тьмой, на пороге, застыл судья.
Защищая живых, в мире мертвых рождался - я.

Ленты черные из-под земли обвивают трон.
Уступая, останусь, впрочем, не побежден.
Мои тропы змеятся по рекам - к истоку, вброд.
Если ты есть надежда - веди сейчас мой народ.

Иней за пару ночей опутал порог.
Друг мой, мы так далеки
от равноденствия.
Тьма затопляет мир ледяной волной.
Искрой в ночи, рассекая тебя собой,
С пальцев струится любовь
Как экзистенция.

Hunter

Седая госпожа стоит у ворот.
Она возвращается осенью каждый год.
Она приводит собак, приводит коня.
Говорит тебе - «Выходи.
Выходи за меня.»

Холодеет к утру
и порог, и постель, и вино.
Ночь, как брошенный камень,
давно опустилась на дно.
Только лес за околицей синим
сияет, маня:

«Выходи, мой король. Выходи,
пробуждая меня.»
Отвернешься, шепча, что Седая
твой злейший враг.
Но я знаю -
однажды ночью
ты сделаешь
шаг.

Кайя

Господин мой вечный король зимы
говорил, царапая ногтем лед:
«Дети лета ломаются от судьбы.
Тот, кто слаб, - предаст. Кто силен - умрет.
(Или наоборот,
как знать.)»

Господин мой вечный король зимы
говорил, что свет только в сердце тьмы,
и что время - лед, и можно его сломать.
И еще - что лед - инструмент,
и учил играть.

Господин мой вечный король зимы
обещал, что будет со мной всегда...
ты не слушаешь, да?
Не нужно меня спасать.
И тем паче не нужно спасать
предательством.

Тихо. Слышишь?
Это гудят мои высоковольтные
провода.
Надвигается снежный шторм,
для живых - беда.

Так скажи: зачем,
для чего ты пришел
сюда?

Какие птицы, послушай, солнце, какие змеи?
Закрыты дороги по небу и по земле.
Холод сковал слова, закопал под елью.
Перевернуто небо, и мы - на скалистом дне.

Блажен, у кого есть дом, шерстяные спины,
Сборник манящих сказок, свеча в окне.
Иному достались плетения тропок длинных...
Смерть таится в игле, а игла в лесу, ну а лес - во мгле.

...ну а лес - во мне. Незнакомы его приметы,
Хищен скрежет снежинок и призрачный лай волков.

...где-то там, под землей, красным шаром пылает лето,
Отражаясь в извивах драконьих стальных боков.

Смотрела в Ночь

Пока не иссякнут
Часы Скорпиона -
Смерть ведет тебя за руку.
Слышишь дыхание тонкое
на затылке?
Ты не одинок:
Твоя смерть. Твой бог. Твое право.
И ножи. Вода холодна.
И если решился в нее посмотреть,
то смотри до дна.

А теперь, в тишине, во тьме -
Готовься к рождению.
Лишнее выжжено в прах:
Что возьмешь с собой?
«Герой» - это слово из прошлой,
ушедшей сказки.
Остается лишь голос твой
В тишине темноты.
Кто ты?

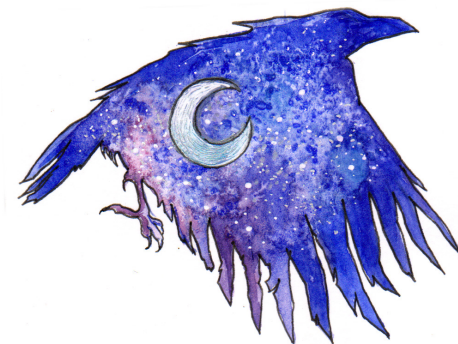
...свернуться клубком в мягких,
чутких объятиях Бездны
и позволить себе не гореть -
но уметь дышать.
До того, как зажгутся огни -
твой волшебный шанс
расслышать тот голос, что глубже
и тише прочих.

Шепот собственной Ночи.
И разобрать слова,
слышимые
едва.

Где сила в слабости?
(Как вызревает трава?..)

И, умытый мертвой водой,
вскормленный тишиной,
ты почувешь: вокруг вода,
и вода жива.
Остается ждать.

Ждать, пока в глубине,
в чаше, в лодке, на дне
всех дней,
ниоткуда,
нипочему,
теплотой освещая тьму,
чистый, как непримятый снег -
свет сквозь сердце твоё,
человек.

Imbolc

Когда умолкают серебряные слова,
Только белое золото светит
Из самого сердца.

Молчание в душе моей, как свет.
И солнце вновь восходит на востоке,
Наследуя немоу январю.
Любая осень оставляет след.
Любая полночь отмеряет сроки,
Но после точки следует в зарю,
И солнце вновь восходит на востоке.

Настанет час - и я заговорю.

Ostara

Беги за зеленым кроликом!
В эти мгновения
Природа застыла в целительной
Тишине.

Весы замирают в гармонии.
Быть весне.
Зеленые стрелы -
Как в первые дни творения.

Яйцо прорастает стремительно
Сетью трещин:
Тот мир, что рождается,
Уже обретает голос
И, светом ложась на ладони,
Сейчас он - вечен.
В зеленой косе солнцем высвечен
Каждый волос.

Beltaine

*Во всём и вся, и там, в разрывах облаков.
Где вечный сокол навсегда седлает ветер
Два сердца бьют в моей груди,
Два солнца в небе надо мной.
Внимай...
(с) Сергей Калугин*

Яблочный цвет, золотая пыльца
Фей.
Ласковый смех светлячков
в сияющей ночи.
Бельтайн на Авалоне.
Нектар пей,
Смело взлетай над костром.
Люби, кого хочешь.

Почки сирени таят вдохновенные сны.
Белое золото свет восходящего солнца
Прячет в тумане.
Иди сквозь ворота весны
Прямо по радуге к первым рокошующим грозам.

Птицы поют и проносятся мимо стрелой.
Нежно мурлыкают теплые гладкие кошки.
Вечность стоит не дыша у тебя за спиной.
Путь в Аннуин легок, светел, чудесен и точен.

Мир захлестнет небесная волна.
Гроза и ветер - задрожали крылья.
Невыразимость мучает, как зной,
И резко прорывается словами,
Как только воздух пробирает перья.
Так красота пронизывает нас,
И застывает кровь рубином алым.
Вот небо позвало тебя по имени -
Что ты ответишь?

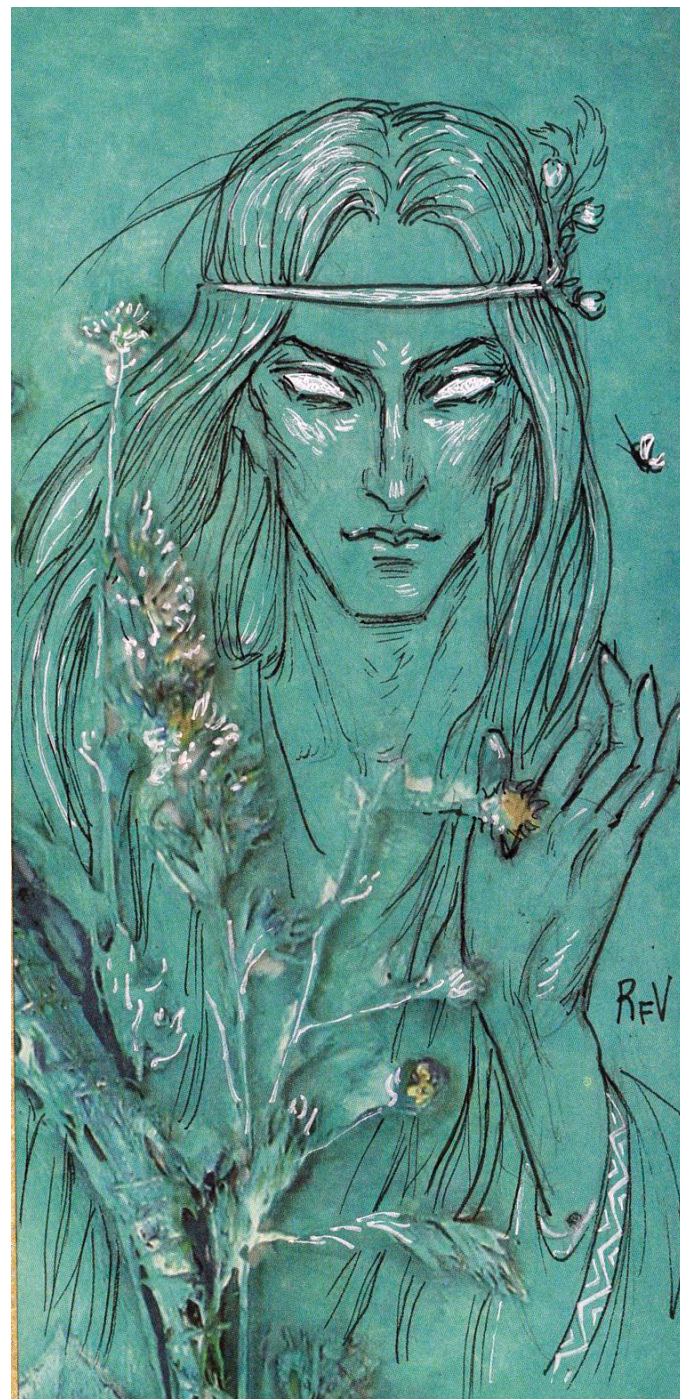
Глубокая небесная волна
Над соснами, землей, вороньим граем.
Касанием ее разбужен смысл.
Когда перо проносится стрелой,
То ранит точно. Кровь течет словами,
Молчание - сияет в тишине.

Язык поэзии - лишь тонкая слюда
Меж очевидным и невыразимым.
Не по-людски слагать язык и губы,
Чтобы ответить языку дождей,
ветров и неба.
Чтобы петь друг другу,
Касаясь сокровенных тонких струн.
Здесь вертикален мир.
Здесь время лун
и гроз. Здесь абсолютно
касание великой красоты.
Здесь зеркало, исток, мерило -
ты.
Да будет звук твой чистым и глубоким:
У духов неба тонкие черты,
Как тонко чувствуют и ложь, и правду
строки.

На время дождя
на землю
приходит
небо.

Лунные ростки
в ночном лесу
становятся белыми
травами

Лита '19

Любить балконы, чердаки и крыши.
Встречать рассвет с огнем в одной руке,
Пером в другой. Не забывать о пище,
Но странствовать, как прежде, налегке.

Роняет солнце золотую пыль.
Пыльца на крылья бабочек ложится,
Вкруг острова разведены мосты.
Сияет ночь. И никому не спится.

Поющий ханг выдерживает тон.
И древний бог, который был влюблен,
Вдруг поднимает золотые веки.

Мечтателей несёт река небес.
Ночь Литы - время для благих чудес.
Ключ спрятан в сердце. Сердце - в человеке.

Лита '20

ложись в зеленую тьму
вдыхай шелест травы
позволь грозовому небу пролиться в глазницы

стань песней на дне дождя
ладони русалок нежны
улыбки манят светлячками на ласковых лицах

седлай речного коня
сплети на ходу венки
лови изумрудные блики жучиных крыльев

и блеск светоносных жил,
вступай в зачарованный круг -
и падай в зенит, озарён золотистой пылью

Ламмас

рождение осени

На ладонях твоих золотистый мед, густеющий, словно кровь.
Это солнечный луч, перейдя черту, застывает янтарным камнем,
Оставаясь живым и теплым. Сердце к осени приготовь.
Пусть дыхание холода на затылке не мнится тебе случайным,
И внезапные встречи под медной листвой
Не покажутся наваждением.
Он идет.
Он всё так же идет за тобой.
С днем рожденья, танцор.
С днем рожденья.

Сентябрь

Пойдем со мной в пустой осенний сад.
Легки в полете, как сухие листья,
Мы будем падать в солнечных лучах
К корням земли. Нам не остановиться,

И бег времен не нам остановить.
Но луч медовый звонок, словно нить,
И сладок вкус тяжелых поздних яблок.
Мы снова изменяемся неявно,

Но в эту осень не нужны слова.
Смотри же - воздух. Золото. Трава.

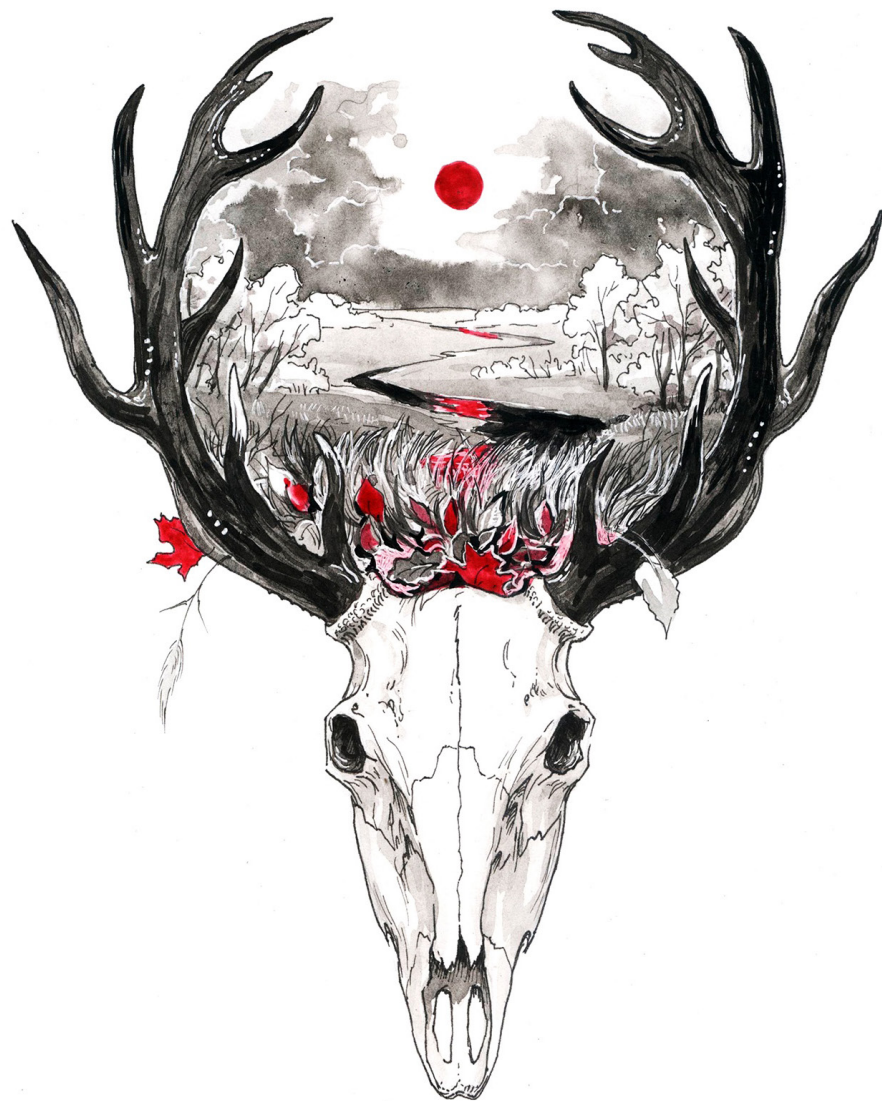
Снова
Спускается небо,
Приходит осень.
Приходит птица
В облике дивном
К моему изголовью.
Пронзают стрелы
живое сердце.
Сколько бы ни было лет -
В его глазах я девчонка,
Что смотрит в окно, замирая от близкого чуда.
- Если так больно, что сложно терпеть -
хочешь, я больше не буду, я перестану
являться тебе?
- Нет, я прошу - оставайся чаще.
Быть может, тогда я выучу твой язык.
Быть может, тогда я найду подходящее слово.
Может, тогда обрету, наконец, ясный голос.
И пальцы
перебирают мне волосы, будто ветер,
и голос - как струи дождя, что текут по камню,
и греза моя - будто дым, что струится к небу,
пахнувший терпкой сыростью, острой гранью.
И в глаза,
заполняя собой целый мир,
смотрит новая осень.
Та, что легко и не целясь
ранит поэта,
а потом, как застывший янтарь,
собирает строки.

Время течет мимо нас и течет сквозь нас.
Время течет нашей кровью по тонкому лезвию.
Ложь, будто смерть приходит один лишь раз.
Она дышит морозным подстрочником в каждом дей-
ствии,
превращая текучую воду в звенящий кристалл.
Что нашел ты и что потерял?
Кем ты был? Кем ты стал?
И какая у этого выбора ныне цена?
Подступает октябрь.
Тишина.
Тишина.
Тишина.

Если земля не держит - держись за слово.
Ты обещал быть скальпелем и сверхновой,
Ныне ты бездна, что поглощает свет.
Смотришь, как будто сквозь воду, сквозь толщу лет
На всех, кем ты был и будешь и мог случиться.
Дикой Охоте не обратиться вспять.
Стань же легендой, чтобы себе присниться.
(Своими руками огонь из груди отдать.)

У тебя в руке совершенное отточенное лезвие. Ты чисто-
та, и ты безмолвие, и ты милосердие.
Но я знаю, что на заднем крыльце твоего дома есть цве-
тущий сад. В нем белые вишни и яблони. И ты стоишь на
крыльце, играя им на флейте.

Ты заходишь в мой дом, открыв нараспашку двери,
Прошагав по пустынным залам, где воет ветер -
И кладешь мне на плечи свои ледяные ладони.
Я касаюсь рукой твоих тонких, холодных пальцев,
Мне знакома твоя равномерная тихая поступь.
Сохрани мое лезвие острым, отточенно-острым.
Неизменный мой гость, сохрани это лезвие

острым.

Я башня.
Я музыка.
Я океан.
Я лодка, которой играют волны,
Волна - забавляюсь с пустой скорлупкой -
И рыба, резвящаяся в потоке.
Я струны, которых коснулся ветер,
И ветер, задевший тонкие струны,
Я свет, стремящийся к краю мира,
И буря, что жаждет напиться света.
Дракон, чьи вздымаются к небу кости,
И время, что изменило дракона.
Я дно морское, покой и сила,
И я - мятежная вод поверхность.
Стекло, которого нет на свете -
И путник, глядящий сквозь мглу на чудо.
Я время.
Я музыка.
Я стихия.

самое важное
всегда между строками
там, где мы легкие
и говорим с богами
меня пожирает дотла золотое пламя
наступает время переставать держаться
это было бы страшно,
если бы не полет
руки горячие
в них быстро тает лёд
вечное солнце
вечно для нас поет
древние боги
кружатся в диком танце
сердце стучит им в такт
позабыв бояться -
так, будто знает,
что
никогда не умрёт

Мабон

Бесшумно падает лист.
Точно поровну света и тени.
Чуть не долетев до земли,
Остановится на мгновение -
И маятник падает
из равновесия в Ночь.

Завоет, замечется ветер, умчится прочь,
Обнажая скелеты мыслей, речей и дел,
Превращая в эссенцию кровь тонких лиственных тел.
Филигранно точны, будто лезвие, краски и звуки.
И беспримесно-терпкое чувство за миг до разлуки
Превращает горячую кровь в колдовское вино.
Драгоценные капли в состав. Никому не дано
Концентрировать вечность так точно и ясно,
как Смерти.

Листья кружатся, будто огонь, в ледяной круговерти,
Раскрывая величие цвета лишь в танце зимы.

Но сейчас на границе меж светом и музыкой - мы.
Как письмо на ту сторону, с руной ветров на конверте.

Autumn

Я не видела тебя
Очень долго
Целую вечность
Но ты возвращаешься
Каждый год
И каждый год я жду
Как в первый раз
Затаив дыхание
Вдруг не случится
Вдруг не получится
Вдруг не найдется слов
Но ты приходишь
Бритвенно-острый -
Порезаться до крови -
Искренне-алый
Щедрый от пламени
Терпкий, тягучий
Манящий и ранящий
Вдыхающий музыку
Непереводимый
На мой язык

Следуй за хлопаньем крыльев в жемчужном тумане...
Образы в шаге от сердца покажутся зыбкими.
Древними тропами, чьими-то вещими снами
Области сумерек за ночь до осени вытканы.

Трижды пути открываются в пору предзимья:
Стрелы осенних аллей, струи вод, струны ветра
(Если услышишь биение собственной силы) -
Свитые в нитей клубок до поры километры.

Свитые в нити заклятий прозрачные строки -
Легкий узор для почти невесомой короны.
Тонкими пальцами их протяни (точно в срок) - и
Кожи коснутся холодные когти вороны.

ты - реки, текущие медленно в сторону моря
меж белых яблонь, душистых лугов и лесов шелестящих.
я - яд и горечь,
полынь и терновник,
я сталь и железо.
я кровь заката
шипы боярышника
треск костров самайна
я тот, что порождает звон струны
я иглы, что вонзаются под кожу
я птичий крик над пустошью
я осень

этот туман
от земли и до самого неба
от неба до самой земли
смотри не смотри
не отыщешь берега
на глубину
идут корабли
там тоже туман
чернота воды
росчерки веток
и тайные тропы
среди шипов боярышника
горький дым
вдохнешь - станешь седым
красота в том
чтобы стать прозрачнее красоты
тишина безвременья
и беспространства
куда ты хочешь прийти?
хлопанье крыльев
вороний грай
слышишь, как сквозь тебя
прорастает драконья кожа?
гибкая, легкая, тонкая чешуя
как второе я
капля за каплей
невидимая
в тумане

Стоят сухие травы
Колеблемые ветром
Стоят в черном поле
Запрокинешь голову
Видишь высоко мягкие метелки
Мягкие, как туман
Как серая шерсть кота
В которой тонет ладонь
И находит тепло
И нежность
Холодная зелень глаз
Сверкает, как ветер
Сияет, как диск
Луны ноября
Очерченной инеем
У каждой вещи морозный край
Так легко смотреть и видеть
Что мешало - закончилось прежде
Так легко опрокинуться
к самому сердцу
Земли

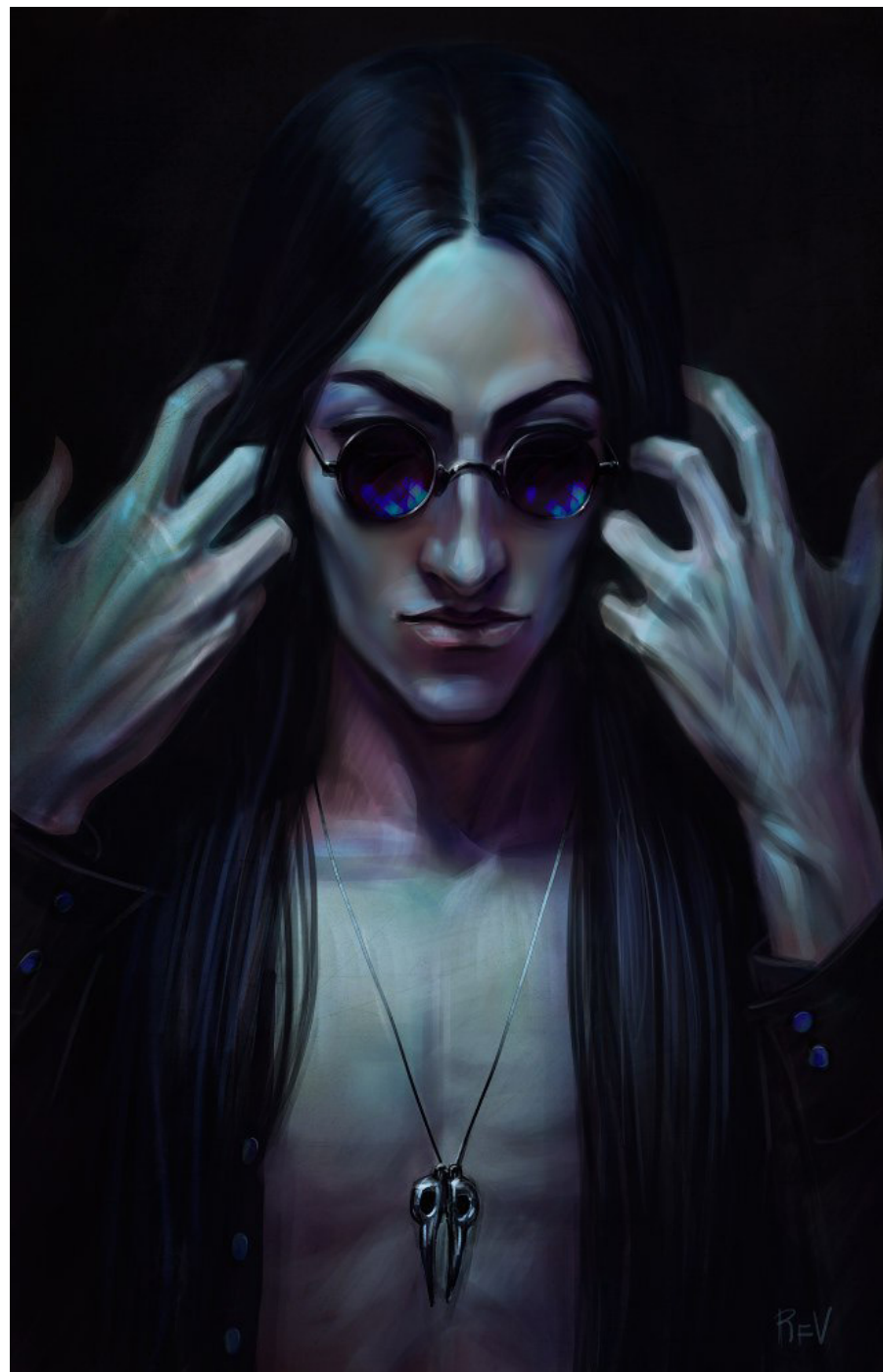
Колыбельная для Ворона

*А ночь крадет незримо из-за штор
полоску света из твоих волос.*

*Я не хочу искать ни в чем опоры,
к чему ты прикасаешься всерьез....*

(Р. М. Рильке)

Спи, мое сердце. Нежны, будто ночь, твои кудри -
Темные пряди, струящиеся, как реки.
Спи, мое солнце. Как утро твоя улыбка -
Перед восходом, когда поля будит ветер.
Кожа твоя белее лунного света -
Вот он коснулся скулы, ложаешься невесомо.
Где ты прошел, прорастают волшебные травы,
Один только взгляд - расцветают сухие деревья.
Спи, моя песня. В глазах твоих плещет пламя,
Черты же острее серебряного кинжала,
Речь твоя - музыка, взмахи широких крыльев,
Свист верных стрел, настигающих цель в полете.
Что тебе снится, когда колышется вереск?
Танец ли алых листьев в костре преддизимья?
Всполохи звезд далеких за краем неба?
Древние битвы, звон лезвий, летящий ввысь -
Или цветы ночные под сенью леса?
Магия неба дождем течет в твое горло,
Сквозь сердце струится, уходит к корням древесным.
Сила земли, поднимаясь травой высокой,
Стрелой прорастая, стремится навстречу солнцу.
Сны колдовские приходят к тебе, мой ворон.
Спи беспечно, храним этим древним лесом
И звуками песни, вплетающимися в ветер.

Самый честный из всех,
Ноябрь
Открывает двери.
Его меч ледяной
Будто плоть
Рассекает шелк.
Он единственный в круге,
Кому -
Безоглядно верить.
Его вотчина холод и сталь.
Он хирург.
Хорошо...

Очертания круга.
Огонь.
Ледяные пальцы.
Прорастает хребет.
Заполняется зрительный зал.
Быть отшельником
Быть королем
Оставаться скитальцем.
«У меня был хороший учитель.
Я много читал.»

Half-Blood Lullaby

Человек:

- Спи, мое дитя луны и леса,
Спи, прекрасный, тихо, бестревожно...
Не смотри, как сумрачное небо,
Словно зверь, заглядывает в окна.
И не слушай завываний ветра -
Я боюсь, ты различишь в нем голос,
Что зовет тебя на тропы бури,
Где несутся призрачные кони...
Где один из них тебя заждался.
Спи, дитя с глазами, словно пламя,
С тонкими, как лезвие, чертами
И душой, трепещущей, как струны.
Спи... вот гроздь красные рябины,
Вот зеленый плющ у изголовья...
Почему же вижу я сквозь дрему
В волосах запутанные перья?
Почему мне хочется забыться
Сладким сном,
коснувшись их
ладонью?..

Сид:

- Спи, мое дитя грозы и ночи,
Пусть тебе приснится скачка в небе,
Свет луны, посеребrivший травы,
Белые цветы на тайных тропах.
Спи - пусть прорастает мертвый ясень,
Тот, что послужил тебе постелью,
Пусть тебе приносят вести птицы
Из земель таинственных и диких,
Где тебя я жду, как ночь - рассвета.
Ты уйдешь за нитью тихой песни -
Не удержат человечьи руки,
Не обманут колдовские травы,
Зверь лесной тебя не потревожит.
Приходи, расправив оперение.
Приходи, танцуй на крыльях бури.
Приходи... твой конь тебя заждался.
Приходи - твой путь лежит над лесом.
Приходи, мой сын.
Настало время.

White Sidhe

(также tribute Слепому)

Ты говоришь мне про правила и общину.
Чему верить, чего хотеть и чего бояться.
Я смотрю на тебя белыми, как снег, глазами
И не мигаю.

Ты говоришь мне, как быстротечно время.
Ты говоришь о любви и привязанности,
О страхе смерти и одиночества.
Я молча смотрю на тебя глазами, белыми,
Как яблоневый цвет.

Ты встаешь, повышаешь голос и бьешь посуду.
Слов слишком много, они разрывают тебе грудь.
Я встаю. Я говорю своей Смерти:
«Сестра моя,
Нам пора уходить.»

И мы идем по городу
в вихре белых лепестков,
легких, как снег.

...проходят годы.
Десятки, миллионы лет.
Я просто камешек в форме звезды,
Обкатанный вечным морем.

Я пламя воды.
Следы мои скроют волны,
Но ветер - помнит.

На пути к Долгой Ночи
По снегу приходят сказки.
Сияют огнями.

Мы шли на ощупь сквозь туман,
Не зная сами,
Что в самом сердце темноты
Зажжется пламя.

Смотри,
как из пожухлых колосьев
вызревает Зима.

Yule

Зимой выстывает все прошлое до перегной.
Снег тих, беспечален, прекрасен, летуч, невесом.
И мир предстает ледяным и искрящимся сном,
В мерцании звонких огней ожидая героя,
Способного стать юным светом во чреве ночей.
Иди по дороге меж елей, беспечный, ничей -
Ты искра, мороз, остролист, колдовство и король.
Багряное золото снега, рожденное в Йоль.

Йоль

Небосвод опрокинут, и звёзды сияют льдисто,
Невесомо роняют кристаллы мертвой воды.
Все, кто жив в эту полночь, отмечены остролистом.
Меж холодных холмов редким росчерком - волчьи следы.

Зимний мир безмятежен и чист - нет ни слов, ни пятен.
Только иглы морозной хвои, далекий вой,
Поцелуй под омелой - подарен или украден?
Йольский черный котенок, который пришел домой.

Колдовство этой ночи размеренное, как поступь
Тех, кто вышел в сияющий снегом подлунный лес,
Чтобы встретить наутро рождение нового солнца,
Кто хранит потаенный свет золотых чудес.

январское

Слышишь, как злыми ветрами завyli волки?
Звонко заиндевели иголки ели.
Помнишь одно лишь имя свое - и только.
Солнце качается в утренней колыбели,
К ночи ему на смену луна восходит.
Лес затаился на той стороне метели,
И за порогом полуночи сказки бродят.

Марья Моревна

февраль

Снежные хлопья кружат, танцуют, тают.
Марья Моревна знай себе вышивает,
Рыжие сосны тянутся высоко.
Снежные кошки плавно ведут хвостами,
Пьют тонкий луч, как сладкое молоко.

Лес закрывается вихрем, снегов завесой.
Лес бесконечный, хвойный, густой, чудесный,
Лес - это та сторона, что не для людей.
Марья Моревна в резном деревянном кресле
Переплетает косу и ждёт гостей.

Плавно кружатся снежинки в тишайшем танце.
Смотришь на них - забываешь бежать, бояться...
Слушай, как тихо стало в твоей груди.
Марья Моревна снимает картину с пальцев.
Лес за окном не дыша на нее глядит.

Persephone

Говорю в темноту - идём, протяни руку.
Ледяные пальцы, цепкие, будто когти,
(Как слетает птица, не завершив круга)
Обвилились браслетом, тенью живой плоти.

Говорит - куда ты ведешь меня, эвридика?
И от голоса - под землёй и в руках - дрожь...

...легкий ветер касается кожи, вокруг - тихо.
На земле наступает весна.
Начался дождь.

Господи, все, что я говорю словами -
Это гимны и музыка, нет ничего иного.
Если земля не держит - держись за слово.
(Если не держит слово, то мне конец.)
Вечное пламя вечно живых сердец
Бьется о ребра, рождаясь в груди сверхновой.
Так было, так есть и будет, ничто не ново -
Скажи это тем, кто отчаянно полюбил.
Скажи это тем, кто впервые взлетает в небо,
Кто пробует руку - и, кажется, взял прицел...
Никто, воплощённый в мире, не будет цел,
Пока не пройдет по высеченным ступеням.
Смотрю в эту бездну - и снова спасаюсь пением.
Как тысячи тех, кто по ним уже проходил.

я так долго
отучалась врать себе
что перестала верить в безопасность
начала понимать смысл слов
и даже называть предметы

я так долго
спала на краю бездны,
что она иногда превращается
в звёздное одеяло
(у неё твои руки,
беловолосый)

я так быстро устаю бороться
(слишком тонкие запястья,
серебро вместо железа)
но никогда не перестану быть морем
и когда новая смерть приходит с приливом -
вспоминаю, что нет ничего.
только любовь

Обними меня
Спрячь от целого мира
Я была в нем так долго
Я хочу отдохнуть
Мой путь
Тенист и прозрачен
Твои
Теплые руки
Твоя
Тихая флейта
Лучше
Любых площадей за порогом.
Пусть
Скажут, что я исчезла.
Пусть,
Сколь угодно долго.
Словно в воду, вхожу
В тишину.

Твои шаги, легки, как дым и пепел,
Вплетаются пунктиром в ритмы вен.
Тебя никто из зрячих не заметил -
Твои шаги легки, как дым и пепел,

И лик твой, чист и безупречно светел,
Сияет мне сквозь знаки перемен.
Твои шаги, легки, как дым и пепел,
Вплетаются пунктиром в ритмы вен.

Шиваитская молитва

Бог аутсайдеров, выпавших из сети,
тех, кто бельмо в глазу и ошибка в коде,
тех, кто в себе хранит вопреки (?) природе
ключ противоположных двух берегов;
нас, не желающих чинно прожить свой век -
аскетов, любовников, демонов и актеров,
кто узнаёт своих неизбежно скоро
по лучезарно-упрямому свету глаз,

бог мудрецов, не плачущих о себе,
тех, кто слушает сердце вперед приказа,
кто выбирает любовь и призвание разом
и не пеняет напутавшей карты судьбе -

бог всех отчаянных, я обращаюсь к тебе,
танцующему в браслетах из змей по пеплу,
несущему пламя во лбу, трезубец в руке
и реку и месяц в причёске, подобной ветру,

мужчине-и-женщине, юноше и старику,
аскету, любовнику, магу, танцору, клинку,
концу и началу, свету и тьме, надежде,
рассыпающему в горах белоснежный смех -
сердце мое лежит на твоих ладонях.

Шива, любовь сверх правил,
храни нас всех.

Nataraja

I saw you dancing (c)

Однажды я увидела твой танец.
С тех пор сквозь явь, как будто бы сквозь сон,
Как ищущий пути домой скиталец,
Что следовать намекам обречен,
Провижу блеск отточенных движений.
Все, что есть ложь, отсечено мечом.
Какой безжалостный искусный гений
Способен видеть эту красоту
И рассказать о ней, отбросив тени?
Смотрю и жду, как стражник на посту,
Когда, в игре цветов и форм сплетаясь,
На миг скользнуть позволишь за черту -
И я увижу снова этот танец.

Я росла у самого моря,
Посреди прекрасного сада.
Меня выходил лучший садовник.
Меж ветвей моих выросло сердце,
Мерно бьющееся, живое.
Его съела хищная птица
С переливчатыми глазами.
Вот тогда наступила осень.
Мое сердце летело в небе,
Изливаясь гортанным криком
На седеющие равнины.
Разрезая крылом плоть неба,
Мое сердце узнало ветер.
Мое сердце узнало зиму.
По весне вновь родилось сердце
Между спутанными ветвями.
Его съела дикая кошка,
Что ступала мягко, как время,
Унося его в чащу леса,
Леса древнего и густого,
Унося его своим детям,
Чутким снам на пороге лета.
Когда снова родилось сердце,
В него зубы вонзила кобра.
Тонкий яд разошелся быстро.
Я решила стать человеком.
Мое сердце знакомо с небом,
С темной чащей дикого леса,
С терпким ядом, хранящим тайну.
Сможет биться в груди меж ребер?..

The Ultimate Weapon

Этот мир на пороге гибели,
будто выжженный изнутри.
Да, подобный конец предвидели.
Нет, предотвратить не смогли.
Вовсе некуда прыгнуть, двинуться -
Предусмотрен малейший шаг.
Град неспящий не знает милости -
Каждый - враг.
Нет, теперь не попросишь помощи.
Ты - один.
Нас хранит, как свои сокровища,
Господин.
Господин не имеет имени
И лица,
Но беззлобно доводит линии
До конца.
Впрочем... было одно пророчество...
Раз, два, три.
Человек, есть лишь ты и ночь вокруг.
. . .
Говори.

Queen of Swords

Юная девушка точит ножи.
Она точит ножи хорошо, за деньги.
Нож для мяса, для рыбы, для чьей-то тени -
И надеется, что не для чьей-то жи...

Девушка знает, как нож поет.
Как ложится в руке, как скользит по коже.
Как находит пустоты в доспехе - тоже,
Как проходит огонь и вмерзает в лед.

Девушка знает, что нож всегда
Остается собой, разделяя ткани,
То, что было, что есть, что завтра станет,
То, что пламя, что камень и что вода.

Юная девушка точит ножи.
Даже если вокруг ни людей, ни стали,
Даже если и плоть, и душа устали,
Днем и ночью, не зная ни сна, ни лжи,

Острый взгляд на прохожих подняв едва ли -
Она точит ножи.

Утром встаешь, поднимаешь себя из мертвых.
Зелья, молитвы, песни — такое дело.
Там на тебя смотрят инеистые звезды,
Здесь уже сердце сирени зазеленело.

Кто-то сказал, что дорогу осилит идущий.
Также - сидящий и молча глядящий в воду.
Все же, пока ты здесь — колдовство ли, случай? —
Встань и иди. Совершенствуй свою природу.

- W -

Иди, иди вперёд, рисуй собой
Горящую спираль над пустотой,
Шагай по ней, как будто по мосту,
Пусть растёт, пылая под ногами -
Тебя не обжигает это пламя
Ты в натяжении, как крепкий лук
Не выпускай же кисть из сильных рук,
Не закрывай трепещущее сердце,
Оставленное той, что до тебя
Сгорела, оттолкнувшись от порога
Иди вперёд
Ещё совсем немного
Раскрылись крылья огненной тропы
И распахнулся свет тебе навстречу
Последний шаг
подхватывает вечность
Ты знаешь, КАК
Сбываются мечты

Капитан

Я капитан затонувшего корабля.
Каждую ночь сообщаю своим матросам,
Что за линией горизонта нас ждёт земля,
Неподвластная девятибалльным штормам и грозам,
Не забывшая наши тихие голоса.

Каждую ночь под ладонью моей штурвал,
Кто-то лезет на мачту, ставит незримый парус.
Нам всего-то три дня пути до земли осталось.
Закрываю глаза, прохожу сквозь девятый вал...

Ночью в городе шторм, и под утро не стихли волны.
Рыбаки не выходят в море, галдят в порту.
Затонувший корабль пристаёт у причала, полный
Перешедших вброд Лету и Стикс на седом борту.

Корино '2019

У черных мантий рваные края,
А волосы растрепаны в запале,
И перья между пальцами сквозят.
Я говорю с тобой, не зная правил.
...я говорю с тобой, не зная слов.

У кладбища высокая полынь.
Так серебро течет в моих ладонях
И росчерком ложится на листья,
И, прорастая, в шуме ветра тонет.
...и ветер тот не знает берегов,

И волны наполняют до краёв
Живое заклинание твоё.

Golden Light

Open your eyes and see what is hidden
in the light of the sun,
For time never reaches here,
and the fear is gone,
When the golden liquid is flowing
Through the shimmering veins.
Thus you are the light,
and the only truth
that remains —
Lies beyond
all borders.

Я промолчу в ответ на твой вопрос.
Быть откровенным - слишком много чести.
Кинжал, что был заточен ради мести,
Лишь разъедает соль напрасных слёз.

Неуязвим для дротиков и стрел,
Я скрыт от взглядов и пустых суждений.
Мы расстаёмся вновь без сожалений -
Ты получил сполна, чего хотел,

И я обрел, что мне мой путь отмерил.
Не жаждал, не сдавался и не верил -
Но твой удар пробил мою мишень.

Я только свет, струящийся сквозь раны.
Ты - пустота. Ты плотно без рамы.
Мир тает, как полуденная тень.

Сонет в венок DRC о пустыне

Мы демонов пустыни никогда бы
Не превзошли в стремительном броске.
Оставив ветром знаки на песке,
Они рождают бурю тех масштабов,

Что нам ни превозмочь, ни осознать.
И миражи, крадущие надежду,
Способны довести до края прежде,
Чем голос сердца разобьет печать.

Но тонкий луч взывает к океану;
Он, поднимаясь, хлещет в мир сквозь раны —
И мы бессмертны, зная, что умрём.

Так вечный свет, столичный, безначальный,
Развеет то, что мы во тьме печальной
Не разогнали словом и огнём.

Сонет в венок DRC о кицунэ

Я вспомнил нас обоих в прошлой жизни.
Твои одежды, белые, как снег...
Твой взгляд из-под полуприкрытых век
И силуэт, воздушный, будто призрак.

...мои глаза, горящие огнём.
Мою мятежность, жажду, непокорность.
Мою – тобой – отравленную гордость.
В твоём саду кроваво-красный клён.

Я был влюблён. Лукавство ни к чему.
Я снова здесь. В дурманящем дыму
Плывёт, качаясь, цвет весенних слив.

Не отрекусь. Но буду ли прощён?
Вернись ко мне. Не думай ни о чём,
На лисью тень случайно наступив.

Император

Мой Император, холоден тронный зал,
Окна разбиты, и ветер в трубе поет.
Крылья расправил ворон на Вашем плече.
За окнами лужи — их тронул предзимний лед.
Я знаю, что Вы не спите четвертый день.
На востоке пожар - на границе вражьей войска.
Над югом тяжелой тучей нависла тень.
На севере смерть, а запад нынче ничей.

Мой Император, Вы холодны и бледны.
Я вижу седые пряди на Ваших висках.
Вы не слышали песен о лете с начала войны.
Вы прошли через смерть, чтобы Вами не правил страх.

Мой Император, в столице поднялся бунт.
Хлеба в Ваших подвалах не хватит на месяц вперед.
Они говорят, что скоро за Вами придут,
Но я знаю, что каждый дерзнувший прийти умрет.

Мой Император, закройте сейчас глаза.
Я же помню, каким Вы были на самой заре.
Юноша-солнце, небесная бирюза
И серебряные колокольцы в гривах коней.

Отпустите брренное тело на краткий срок,
Возвращайтесь к тому, что спрятано в глубине:
Свет, беззаботность, яблочный сладкий сок
И цветные камешки в быстрой реке на дне.

Юноша-солнце, седлай своего коня
И скачи навстречу радости и весне.
Мой Император, только ради тебя
Я просижу на троне тринадцать дней.

Луна Урожая
Подкатывается к порогу.
Тихо...

Звёзды над соснами
Стелется запах дыма
Осенний дождь

Арки деревьев
Мягко склоняются к водам
Подземных залов

Сумерки мягко крадутся по кромке сна.
Ветер осенней Луны берёт тебя за руку.
Он возвращается. Там, в подземелье, весна.
Можно дышать. Можно смотреть сквозь марево.
Можно ступать на укрытые тенью пути,
Пахнущие пряным тлением листьев сброшенных.
Можно лететь. Асфоделям пора цвести.
Зёрна граната упали. Одно - испрошено.

В подземельях густеет осень,
Вызревает кроваво-красным,
Прорезается гроздь рябинная
По ладони

Мир опять никого не вспомнит
Отражение все так же ясно
Снова лента речная становится
Двусторонней

Вход всё меньше похож на выход
Королева диагоналей
Наблюдает, как солнце катится
По наклонной

Для того, чей сюжет предсказан,
Неожиданно раз за разом
Видеть мир сквозь окно двери,
Как в проём оконный,

Тихо слушая,
Как восходят стенания мёртвых
С полушёпота и до крика.

Вне закона
На ладони сияет звёздочка -
Эвридика.

Как быть, если в час Короля-чародея приходит военачальник?

Не спрятанный в ножны серебряный меч, а пляшущее копьё?

Не видящий скрытое древний ворон,

А громкая, злая стая?

(Король вернётся в Луну Охоты, чтобы забрать своё.)

Ложится путь по туманным тропам,

Тянется нить заклятий.

Впору искать позабытый холм,

Нанизывать имена.

Пить вино из полынь-травы,

Пульс считать на запястье.

(Король придёт, когда вновь нальётся светом его луна.)

Впору запутывать сеть из тропок,

Прятать следы и двери.

Тихо смотреть на далёкий берег

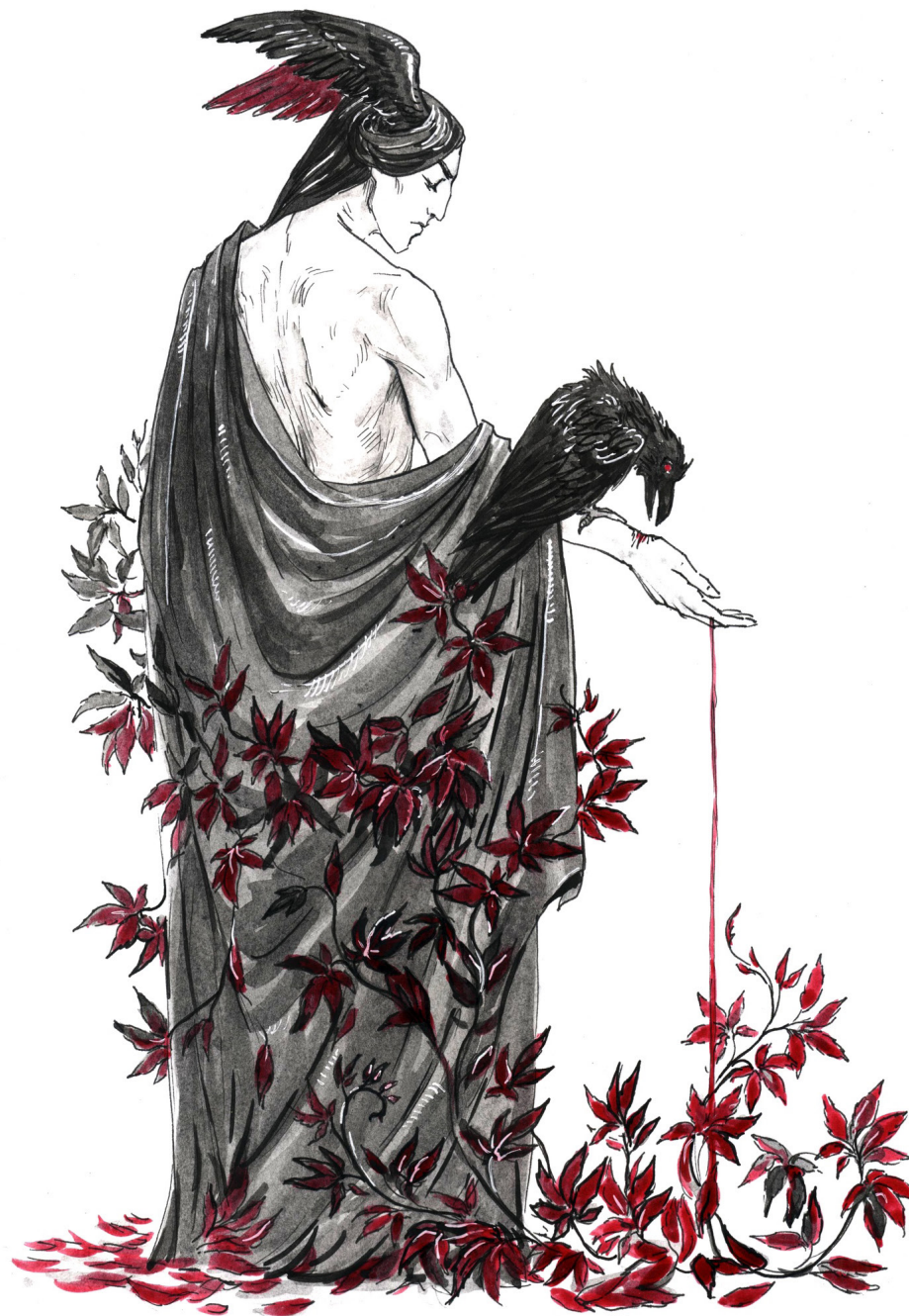
За пеленой дождя.

Время загадывать, не сбываться,

Сумрачным снам - не верить.

Идти от потери до новой встречи.

Праздновать, уходя.

Пишу вам по срочным делам, дорогой друг.
Обстоятельства благоволят откровенной прозе.
У шпионов хватает ушей, у солдат - рук,
Но ни те, ни другие не в счёт при таком морозе.
Буду ждать вас в условленном месте в ближайший срок.
Как всегда, с нетерпением - то есть, читай, недолго.
Здесь, конечно, отлично смотрелся бы "единорог",
Но, поверь, у нас будут заботы иного толка.
Постарайся не сгинуть в лесах, не попасться в плен.

- Неизменно твоя дорогая подруга Йен.

Вхожу одним из отражений в круг -
Узнай меня среди десятков прочих,
Пересеки наполненную площадь.
Улыбка, точно высверк солнца, вдруг

Развеет морок, пробудит от дрёмы.
Пойдем по тайным тропам к сердцу гор.
Там, где рассвет пылает, как костёр,
Вернётся слово, что давно знакомо.

Приветствуя рождение огня
(Ты слышишь? колокольчики звенят),

На ощупь вспоминая имена
(Коснись стены - разрушится стена),

Изогнутый натягивая лук -
Смотри, как вырастают восемь рук

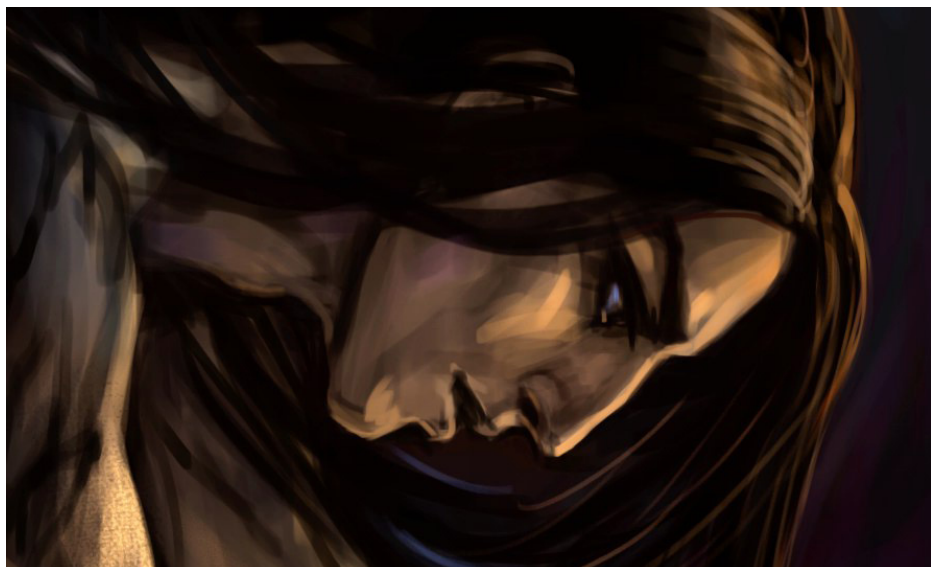

Азарт кровавой жатвы был недолог.
Остановившись - видишь пустоту,
И птиц, что замерзают на лету,
И тень, что накрывает мёртвый город.

Но что тебя удерживает здесь?
Холодный страх, жестокая надежда,
Отчаяние, радость, пропасть между,
Любовь, или - того страшнее - месть?

Безмолвен лабиринт пустых зеркал.
Нет, пепел не погасит сожаления
И ночь не даст огня, что ты искал.

Немыслимы дорог хитросплетения -
Пройди навыворот, обнажив оскал,
Путь в бездну, что лежит за лёгкой тенью.

Из пламени и льда рождался мир.
Над волнами носился с воем ветер,
Листал страницы, те сочились светом,
Свет притворялся смертными людьми.

Тогда из глубины вставала тьма
Густеющим, тревожащим аккордом
Сквозь сумрак прорастали боги мёртвых,
Сияя сквозь границу «здесь» и «там».

Так протяни ладони, человек.
Чем озарён твой краткий, жгучий век?
Что превосходит смертоносный холод?

Пока течёт песок - идёт игра.
Звенит сквозь сны беспечная пора,
Где ты разлит меж строк, не стар, не молод.

Он идёт

Вот опять наступает осень – на острый камень босой ногой, снова ты, задыхаясь, просишь: «О, позволь мне уйти с тобой!» – снова ищешь следы и знаки тонких трещин в холодной земле, и ты чувствуешь ночь руками, и ты слышишь тепло во мгле, истекая горячей кровью под клинками белых ветров – вспоминаешь, как слышат ками, видишь сквозь ненадежный покров – и, прозрев, застываешь камнем, погружаясь в немой покой – он идет, словно белое пламя, он идет по земле нагой, так, как падает снег к изголовью замолчавших среди равнин, как, как мир затопляет тьмою, поднимавшейся из глубин, так, как будто шагает время, не спеша, не замедлив шаг – так, как будто вокруг все дремлет, и ему лишь известно, как тихо стонут во сне титаны где-то там, в глубине земли; с наших карт исчезают страны, растворяются корабли, он идет без стыда и страха, зла, чудес или доброты, он идет, будто сам из праха он воссоздал свои черты, он идет, исполняя правду, ту, что глубже костей и слов.

Лишь поймав его взгляд однажды, ты увидишь, кто он таков.

Samhain

он проходит сквозь грудь навывлет,
и ветер поет протяжно -
осколок свинцового неба.
неотвратимо важно
не закрывать глаза,
когда эта осень поймает
твой взгляд.
огни фонарей - маяки
всем живым меж ветвей деревьев;
не знающим Слова - копья
в чугунной цепи оград.
руны выпали в стройный ряд -
ступай, куда хочешь.
трепещет струна миров,
как лезвие в жажде крови.

свобода не терпит условий,
а крылья растут через мышцы и кожу,
а сердце взрослеет с переборами в ритме,
а кости тянутся к небу,
разрывая хрупкую плоть.
еще пара шагов по истлевшим костям
прежних тел - и
ты рождаешься в центре вселенной,
как алый цветок.

На исходе каждого года готовься к Смерти.
Смерть идет за тобой.
Ты вовеки не одинок.

Долгая Ночь

Не потерять бы памяти в этой ночи... Тут кричи не кричи
- отвечает лишь зеркало тёмных вод. Под хрупкой рукой
- лёд, а на той стороне - молчи... Мой князь не придёт,
среди змеиных болот, совершив поворот колеса, он уходит
в небыль - и кончается год.

Тёмный падает свод тишиной непрозрачного неба. Мягкий
времени ход застывает смолой, и привычный конвой
отступает на шаг... Каждый шаг - в никуда, и слова - как
вода, под землёй спят ключи от востока, сейчас - навсегда,
и не слышно ни звука, ни тока...

Мы проснёмся - минули года.

Лорду Самайна. Преображение

Добрый вечер, Милорд. Вы точны, как всегда. Нынче в
белом.

Вижу скальпель в руке. Вы меняете имидж? Ну что ж.
Ритуал неизменен. Вы можете вскрыть это тело,
Отделяя нежизнеспособные ткани и ложь.

Предо мной, как всегда, плоский камень и полная чаша
Леденяще-кристальной, лишаящей боли воды.
Ваш пронзительный взгляд, и касание рук - тоже ваше,
И один поцелуй, и бессчетные ваши труды.

Осыпается пепел и ржавчина, начисто вытерт
Всякий цвет, что полуночи мира не перенесет.
Просыпаюсь наутро. Я в белом, и я - Фимбулвинтер.
Солнце катится в Ночь. Начинается новый отсчет.

Дикая Охота

Беги!

Хугин и Муниин чертят в небе круги,
И за спиной твоей мерно мои шаги
Звучат, будто кровь в ушах или стук по двери.

Беги!

Холод и ночь теплокровным живым - враги,
Иней и лед - вот след от моей ноги.
Сердца тепло и разум свой береги.
Ныне охота. По следу пущены звери.

Скорей!

По останкам своих Атлантид и Гиперборей,
Через бездны лелеющих душу глубоких морей,
Через поле великих и малых твоих смертей -
На огонь вечной жизни.

Спеши!

Я почти дотянулся до сада твоей души,
Мне достаточно мига - и ты навсегда в тиши
Будешь слушать, как ветер поет, согнув камыши,
В одинокой и вечной тризне

О добыче охоты ночной Короля-скелета.

Убегай от меня! Убегай, ясноглазое лето.

Persephone - 1

/мед поэзии/

я собираю мед из морской воды, тающий янтарем нежный мед из шелка... мед добывается долго, незримо и тонко, в ритме дождя под покровами темноты.

я добываю мед из прозрачных снов, трепещущих мотыльком на конце иголки, я собираю разрозненные осколки, пряжу тумана из нитей тихих ветров.

я обретаю мед видений ночных, спрятанных под подушкой линий и точек, мимолетных зеркальных причуд и неровных строчек, заставляя звучать струной легкий трепет их.

мне говорят, что мед из гречихи слаще, что вересковый мед в балладах воспет. мне говорят, что где-то в тенистой чаще манит, зовет и ждет цветок-крестоцвет. мне говорят, что шелка мед бестелесен, что туманный мед горчит, как злая полынь; что мир на конце иголки хрупок и тесен, что в морской воде лишь соленая бездна-синь.

я не умею дышать сквозь чужие сны. поутру тяжелеют веки, глаза красны.

/Persephone-2: Любовница Смерти/

Слышишь звон в далеком небе, звон копыт по струнам ветра? Это Дикая Охота мчится вихрем в поднебесье, возвращая прах ко праху, разрушая все немое – мчится Дикая Охота, тень свою опережая, даже время обгоняя на скачок.

Лорд ее подобен стали, тонкогранной стали ветра, сына северного неба и подземной вечной ночи – мчится Лорд быстрее мысли – миг схватил, остановив, его зрачок.

Слышишь, стекла задрожали, от восторга или страха, будто на пороге смерти, где вода ступней коснулась – задрожали и рассыпались огнем. И рука белее снега через раму протянулась, сорвала цветок горящий, песню пламени поющий, посадила возле сердца на шелка ночного неба, на рубашки черной ворот, на горящий звездным светом окоем.

Вихрь объял его и свиту, стук в ушах – то бьют копыта по дорогам меж мирами, по нехоженным путям. Ветер раздувает пламя – чуешь бездну под ногами? Чуешь – страх ножом пронзает и теряется вдаль? Все быстрее, выше, выше – звук с изнанки мира, слышишь? Эта страшная свобода будто пустота внутри.

Стынет кровь в восторге скачки, обращая ток по жилам, солнце дважды отразилось в леденеющих зрачках. В пустоте проснулись звуки. Будто страждущие руки, как трепещущие струны, протянулись к небесам – и звенят в порывах ветра. Их касается незримо белый Лорд, играя песню очищающего света на земле и над землей.

Листопадом, белым дымом опускаются на землю, сквозь туман рисуя тропы, вещие, как птицы, сны. Но Охота скачет мимо, взгляд их прожигает камень, разрезает нож холодный молчаливую струну – звон несется по округе, бледные не дрогнут руки, ей в земле лежать без звука до пришествия весны.

Слышишь звон копыт по ветру, пробуждающий незрячих, призывающий поэтов и пугающий живых? Ты горьшь пурпурным светом, вы уйдете на рассвете, ты единственный свидетель смертоносных чар любви.

For our kin.

/2 Quelle Rusco /

Мы - как папки под тайным грифом, мы скользим по ветрам меж стен. Мы родились в ладонях мифа, мы старше без перемен. Нам истории и сюжеты - нити пульса в плетенье снов. Нам сентябрь подарило лето, мы умеем слышать без слов.

Рыбаки на подземных реках, пешеходы на мостовой, наше небо - осколки смеха, наши письма - дожди стеной. Мы умеем молчать, как камень, мы умеем ловить ветра. Мы хватаем огонь руками, нас чарует наша игра.

Нам холодная сталь рассвета над пустыней дня нипочём - поводя крылами из света,

миф стоит за нашим плечом.

Дикий гон

Три сотни Песен заключены в одной строке, гласящей:
«Его мысль не уклоняется».
- Конфуций, Луньей, 2.2

Опускаюсь мягко на лапы, как дикий кот. Но сегодня моя охота - я гончий пёс. Ветер в лицо запах прелых листьев принёс - и новость о том, что открылся сезон охот.

Глубоко, до низа брюха, чувствую цель. Та же сила льётся из глаз и смыкает челюсти - железной хваткой на крае осенних одежд, на жгучей смеси вечности, смерти и прелести. Все остальные нити моей судьбы - в руки богов, и пусть свяжется всё, что должно - но уже за спиной - я на месте, и я готов, я готов позабыть о прочем - а значит, можно.

Прижаться пружиной к земле - и сорваться в прыжке, различив одну тонкую нить среди тысяч прочих - ветер-в-лицо остальное возьмёт себе, я не слышу, не чую другого, им не заморочить, не закрыть эту цель, с которой я сам не знаком, но которую знаю по знаку и знаю по запаху, и по чувству, что щемит сердце, и слово «дом» вдруг становится чуточку ясным, и капля падает

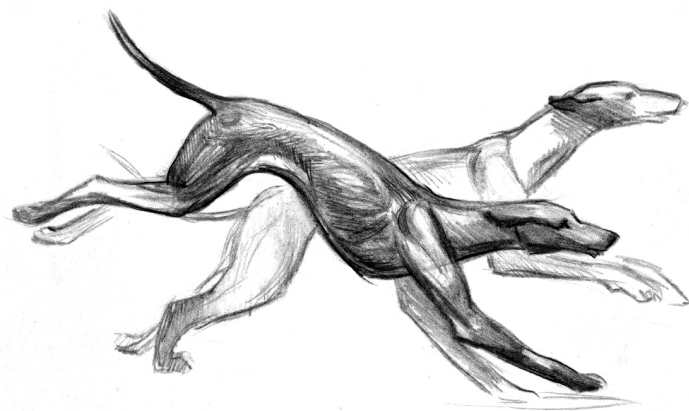
в темноте. Набираю разбег, ветер срывает вежливую улыбку, превращает в мокрые пятна вдоль по тропе, вырывает из плена тени, что было скрыто - длинные крылья, волосы по плечам - бьются, как дикие птицы в небесной схватке - я бы от страха,

может быть, закричал, если бы не было некогда - и так сладко... Запахи, звуки, тени, слово - взгляд - штрих. Профиль, событие, действие, чувство, улыбка. Всё, что я чувствую, верно, но всё ещё зыбко. Будто разбитый витраж, ненаписанный стих.

Паутины серебряной тонкая, чёткая нить тянется к центру, а справа и снизу - другая. И ещё, и ещё, и я будто уже догоняю, подбираюсь к сплетению нервов - но нет, не настиг, и ещё не сошлись в этом центре все тонкие нити - ткань пространства теперь мне тянуть, чтобы нити свести, чтобы вспомнилось всё и сложилось - так значит, бегите, мои ноги, быстрее, чем умели вы прежде нести! - и срывается плоть, как покров, ветер точит мне скулы, я не чувствую боли, я помню лишь только инстинкт - добежать и познать, раствориться в ликующем гуле, а потом возродиться живым - и сквозь смерть пронести...

Всего лишь несколько слов принесли победу:

Где бы я ни бежал, я иду по следу.

Medusa

Медуза - обычная женщина, тысячи их.
Не Афродита, не Гера и даже не Гея.
К ней не приходят цари, спотыкаясь, бледнея,
Чтобы прочесть сочиненный в томлении стих.
Ей не возводят святилищ, не носят даров,
Не для нее тяжелеет на склонах лоза.
Можешь назвать ее имя, пролить ее кровь -
Но никогда, никогда не смотри ей в глаза.

Ей не до сказок - она видит кости земли.
Ей не до песен - пред ней замирают, немея.
Медно-холодные кудри, тяжелые змеи
Мертвенно-жгучим узором на плечи легли.
В темном овраге охотятся лютые звери.
Если собьешься с пути - оглянуться нельзя.
Можешь стучаться в закрытые наглухо двери,
Можешь солгать - и тебе даже боги поверят,
Помни одно: никогда не смотри ей в глаза.

Женщин ласкать, за столом пировать - вот утеха,
В мире достаточно скорби, сомнений и бед.
Если герой - то тебе и судьба не помеха.
Если певец - исцеляй души плачем и смехом,
Если крестьянин - веди русло жизни по вехам,
Да передай своим детям строжайший завет:
В каменный сад если вдруг невзначай забредешь,
Даже не думай ты смелость свою показать.
Нет, никогда, никогда не смотри ей в глаза:
Пропадешь.

Дом

В холоде и темноте, в сиреневых сумерках дня, в стреми-
тельных сумерках года, в полыни и чабреце, на вереско-
вых полях, на изломе предзимних дней, на изломанном
теле природы,
в металле и обсидиане, в иссушенных мертвых камнях,
в ветрах, что как танец лезвий, в пустошах за холмами, в
пряном запахе увядания, в четких линиях ноября - мяг-
ко ступая по снам обутыми в сумрак ногами, я иду через
ясную мглу, яростной искрой горя.

Gryffindor

по мотивам LARP игры «Хогвартские сезоны. Зима 1942.»

Как всегда в начале Творения,
из сердца капает кровь -
и уже летит лучезарный феникс над пятнами поднятых к
небу голов. Раскрывается грудь могуче и властно горячей
взрывной волной - и вот в небесах спокойно и ясно, и
ростки волшебства под твёрдой землёй, проснувшись от
рек тепла, пробиваются к солнцу.

Лёгкое прикосновение пальцев
рождает отклик целого мира.

Тебе так долго пришлось скитаться, Душа волшебства,
золотая Сила! - пока мы открыли тяжёлые шлюзы, пока
перешли глубокие рвы родовых поместий - кружные узы,
хранящие от незваной любви - но теперь мы вместе в
потоке чуда.

Пуškai так же ярко и дальше будет - золотое пламя,
клинки штандартов, единый взгляд до самой черты - и на
наших свитках, на наших партах разгораются огненные
цветы. Ярко-алым пером, выгорающей кровью: за тех, в
кого верил, пойду до конца! И чашу наполнить до капли -
любовью, и львиной отвагой до края - сердца.

А потом - очень тихо, забыв дыхание, белую простынь
души - на свет, и высокие шпили, прозрачные грани
рисует на ней молодой рассвет. И если искренности хва-
тило, чтобы пронзить свою жизнь до дна - безыскусный
плащ, беззаветная Сила - из высокого стрельчатого окна

на тебя взирает зелёным светом проникающих в самое
сердце глаз тот, перед кем ты держишь ответ и - тот, кто
поверил в тебя сейчас. И вы отныне вовек едины, сплав-
лены сердца жидким огнём. Он, выходя из своей кар-
тины, отныне в тебе; ты навеки - в нём. Закрывая глаза,
опускаешь руку - в левой шляпа, а в правой меч. Теперь
ты не можешь ходить по кругу, теперь ты не можешь себя
беречь. Теперь ты не можешь свернуть с дороги, прямой
и горячей, как сталь меча - не потому что ты избран Бо-
гом - а потому, что кровь горяча.

А дальше - взлетающий алый феникс намочит землю мо-
гил влагой слёз. И ты вместе с ним - всё, во что ты верил,
всё, за что ты сгорал, всерьёз.

И вдруг - узнаешь, что смерть не властна над духом,
рождённым огнём любви - и встанут друзья за спиною в
красном - и не так уж важно - в огне, в крови...

...А в небе летит огнекрылый феникс, а сказка трепещет
в твоих руках, и ты вспоминаешь, чего хотелось, и ви-
дишь - всё вышло именно так. И знаешь - в множестве
элементов единство одно порождает Огонь. Танцующий
в воздухе алый Феникс ждёт, когда в подземелье проснёт-
ся Дракон. Когда замкнутся конец и начало, когда жар и
холод сольются в веках - ты знаешь: одна лишь Любовь
держала Волшебную сказку в своих руках.

Локи — Фрейя.

Я буду смеяться до тех пор, пока не взорвется моя голова.
Я буду смеяться, пока голова не взорвется... (с) Сплин

Фрейя, о Фрейя, в любом из миров
Прекрасней тебя нету девы.
Ты флейты божественной слышишь напевы?
Фрейя, я украду для тебя такую.
Украду для тебя искуснейшего певца.
Фрейя, смотри: красиво ли я танцую?

Фрейя, послушай, за этим столом
Разыграть я любого сумею.
Воин наденет невесты одежды, краснея.
Фрейя, решай: побеждает ли он, погибает?
Я доведу этот сказ до любого конца.
Фрейя, смотри: красиво ли я играю?

Фрейя, о Фрейя, я вывернут в мир нутром.
Нет ни стыда, ни чести, ни даже гнева.
Фрейя, скажи, ты будешь моей королевой?
Знай, что касанья мои как огонь обжигают.
Ты взгляд не отводишь от моего лица.
Фрейя, смотри: красиво ли я умираю?..
Красиво ли я убиваю?
А знаешь...

А знаешь, пошла бы ты в Хель, о Фрейя.

...

О. Так просто.

И-цзин

И-цзин пророчит так:
Хулы не будет.
Хвалы не будет тоже -
Будет путь.
Обрывки старых карт.
Пунктир проложен.
Течет чернильных плавных линий ртуть.
По площадям разбросаны осколки.
Письмо - в бутылку - в море - позабудь.
Свой мир храни на острие иголки.
Свет не поймать, и Тень - не обмануть.
Сокровищам есть время, смысл и мера.
Увидел цель - иди на абордаж.
Отринув марево иллюзии-химеры,
Из всех осколков собери витраж.
Разбей витраж.

Научи меня владеть Словом, мой строгий бог.
Научи превращать в вино человечью кровь.
Научи превращать свою боль в поющую сталь,
Научи в лекарство от ран превращать печаль.
Научи говорить слова, как льют серебро,
И стоять на своем, как монета встает на ребро.

Милосердный мой бог, в лабиринте людских дорог
Научи меня держать Слово, как ты - клинок.

Море

Если бы рыбы могли говорить,
Они бы сказали тебе
О бесконечности моря
И нравах морских чудовищ.
Но рыбы молча плывут,
как сны, под темной водой.

Если бы звезды могли светить,
Как с неба, со дна морского,
Тебе бы открылись тайны,
забытые в толщах водных.
Но звезды морские меркнут,
Не излучают света.

Если бы шторм на море -
Тогда, может быть, случайно
Волна бы вынесла с илом
К ногам твоим белый жемчуг.

Но море мое безмолвно.
Чудовища спят и боги,
И скованы льдом зеркальным
К зиме прибрежные воды.

Почуяв чуждый голод и тоску,
Живая изгородь вдруг прорастает сталью -
И у корней деревьев, в безначалье,
Отравленной становится вода.
У тварей Грани жало есть всегда,
И делают его острее металла
Как воды, в ночь скользящие года.
Мой дом лишь тень на этом берегу:
Пустой причал достанется врагу
Среди пустыни.

Исповедь мага

Что за птица, когтями сердце схватив, поднимается в
небо?
А поднявшись - бросит ли вниз, чтоб бежали трещины?
Если долго глядеться в сталь холоднее снега -
Разглядишь ли два летних дня, те, что были обещаны
Восходящей над озером полной, кровавой луной?
Выбирая покой,
Запирая стихии в предметы, а чувства - в составы,
Ничего не напутал расчетливый сумрачный маг.
И гадалки в воду глядели, и речи их правы,
И не следует Воле лишь только презренный дурак...

Нет, не падает мантия с плеч, и прозрачны покровы,
И с запасом смешал я намедни состава такого,
Чтобы когти скользили по гладкой блестящей броне.

Чашу мерную мне.
Ибо мерой вещей было Слово.

Temperance

Тихий шепот равноденствия.
Я всему отмерил долю.
Замкнут круг священнодействия.
Птиц я выпустил на волю,
Чувства превратил в составы.
Мир в руках моих, как солнце.
Вкус целительной отравы
Чертит путь на дно колодца,
Где живет покой и время.
Плеч моих не тянет бремя,
И надежда не тревожит
Сердце ложными речами.
Путь закончится в начале.
Век в одно мгновенье прожит,
Недоступное подсчету.
Жизнь - искусная работа,
Вязь тончайшей филиграни.
Зелье редкостного сорта.
Крик, что родился в гортани,
Кровь, что хлещет из аорты
В белизну немого снега
Над чернильными ветвями.
Книга, что мы пишем сами

И от нас же ждем ответа.

Dracula das Musical

В том мире, где сюжет стоит на драме,
Две грани - суть любого острия.
Смотри: мной этот мир смертельно ранен,
Любовь моя.

Я не боюсь ни холода, ни гнева.
Рука не дрогнет, взгляд не отведу.
Во тьме ночной сокрыв себя от неба,
К тебе иду.

Так вечность сокращается до мига:
Безжалостен сюжетный поворот.
Все есть любовь? Что ж...

Du bist meine Liebe
und Tod.

Meine Liebe

А моя любовь - как пепел и звон в ушах,
Звон тягучих, тревожных пожарных колоколов.
И моя любовь - Орфеем спуститься в ад
И найти единственно верный словесный код.
И моя любовь - холодный и мягкий снег.
Он ложится, где чисто, где грязно и где вода.
Так любовь моя молчит, не смыкая век -
И текут перед взором ее, как песок, года.

Смотришься в зеркало. Цедишь по капле яд.
Он разъедает копоть - и гладь стекла,
Медленно распуская цветной наряд,
Становится обнаженной для зрячих глаз.

Шкура мертвеет на теле твоём, змея.
Высохла кожа - и чешется, давит, жмёт.
«Ты, что не в зеркале, видишь? Она - не я.
Сменится кожа - будет тебе полёт.»

А сейчас - впивайся ногтями, кроши, ломай.
Если не можешь без боли - позволь ей петь.
Это весна. Солнце катится прямо в май.
Это - гроза и ветер. Пора лететь.

Стрела

Я пущенная Лучником стрела.
Как солнце, что идет по небосводу,
Проходит горизонт, зенит и воду
Подземных скрытых сумрачных путей -
И снова каждый день восходит в небо,
Так я лечу к своей заветной цели.

Так я иду сквозь мрак и непогоду,
В ночи и днем, в любое время года,
В лучах рассвета и ветрах заката,
По светлым зацветающим полям,
И счета нет ночам, шагам и дням,
И не важны усталость, старость, смерть -
Так человек, скелет, бесплотный дух
Все движется к одной и той же цели.

Так тиканье часов и капель стук -
Мои шаги, я прохожу сквозь двери,
Меняется движение светил,
Меняюсь я, течет, меняясь, время,
Податливая медленная ртуть.
Но неизменен непреложный путь,
Намеченный умелыми руками.

Я та стрела,
Что пробивает камень.

Триолеты по Тургору, избранное

Сестра из теплицы

Иссякший мир спасет одна любовь.
Она одна, мостки от смерти к чуду,
Рождает в сердце краски вновь и вновь.
Иссякший мир спасет одна любовь -

И ты, освобождаясь от оков,
Вернешься снова и к Пути, и к людям.
Иссякший мир спасет одна любовь:
Она одна - мостки от смерти к чуду.

Ута

Ты ничего не знаешь о луне.
Я вечно терпеливо созерцаю
Пустой зрачок, направленный вовне.
Ты ничего не знаешь о луне...

Но эта мука слаще прочих нег:
В ней скрыта мудрость красоты без края...
Ты - ничего не знаешь о луне.
Я - вечно терпеливо созерцаю.

Ава

Игра идет, а ты не знаешь правил.
И это тоже правило игры,
И ты средь пустоты крыла расправил.
Игра идет, а ты не знаешь правил...

И я игрок в оттенках тьмы и яви,
Моя личина скрыта до поры.
Игра идет, а ты не знаешь правил -
И это тоже правило игры.

Има

Змеится время, из глубин ползет,
И я смиренно жду его прихода.
Твоё «сегодня» - только хрупкий лёд.
Змеится время. Из глубин ползет.

Пусть ты хорош и пусть тебе везет -
Но шелест дней слышнее год от года.
Змеится время, из глубин ползет...
И я смиренно жду его прихода.

Эли

И в бездне ада ты способен встать
И сделать то, что от тебя зависит.
Содеянное не вернется вспять.
И в бездне ада ты способен - встать.

Удача, что у нас такая стать,
Что дух стремится в огненные выси.
И в бездне ада ты способен встать
И сделать то, что от тебя зависит.

Эхо

У гибели есть множество имён,
Но лишь одно из прочих так красиво...
Сирень и серебро рисуют сон.
У гибели есть множество имён...

В потоках грёзы тайно пробуждён,
Ты видишь жизнь и страшной, и счастливой.
У гибели есть множество имён,
Но лишь одно из прочих так красиво.

Поступь Дракона
Не слышно
За вздохом флейты

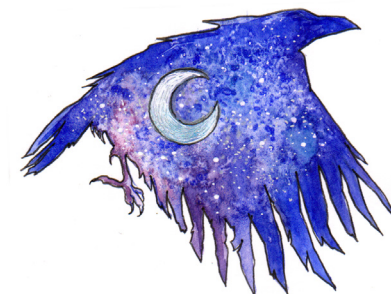
О чем поешь ты,
вырастая из кожи,
очищаясь от смерти,
выстреливая ростком?

Здесь холод, звезды.
Здесь снега нехожены.
Только ночь чертит
путь во тьме
Молоком.

Ты искра, пламя
золотисто-белое:
прянешь ввысь -
и зажжется свет
на земле.

Этим утром
ты в начале времени
и поешь о радости
и тепле.

февраль
время белых цветов
светоносного снега

Кто верит, будто осень - это страшно,
Не знает, что весна страшней стократ -
И пьёт, глотая жадно, терпкий яд,
И яркой кровью удобряет пашни.
Наступит час - вода зальет ступени,
ведущие в подземный Тир-на-Ног,
И ты сойдешь на илистое дно,
Впервые не отбрасывая тени.

Затихнут в глубине твои шаги,
И, удивляясь лёгкости руки,
Запляшут в танце призрачные змеи.

Потом сквозь землю прорастет трава,
Беспечно, беззастенчиво жива -
И запоёт, как только ты умеешь.

Положи три подушки для змея о трёх головах
За окном рассыпается брызгами новая осень
Расскажи белоглазой фемиде о птичьих правах
Расскажи мне, как в мареве дыма виднеется просинь
И как ворон, обуглившись дочерна, встал на крыло.
Я белее тумана, заставшего мир до окраин,
И прозрачнее, чем ледяное немое стекло.
Молчаливей закрытых на ржавые прочерки ставен.
Когда мир рассыпается ворохом старых газет,
Твёрже мёрзлой земли непослушный, неласковый ветер.
Улетай со мной за полночь в небо. Мы встретим рассвет,
И на той стороне горизонта мы вспомним о свете.

Самайн 2020

Дикие ягоды светят в полынном тумане
Пепельный тон полнолуния виден сквозь тучи
Красный сандал поднимается к небу, стгорая
Дым на Самайн очень лёгкий, прямой и летучий.

Эта свеча, чтобы путь лёг легко, не спеша.
Ворон, вернись. Свет, вернись. Возвращайся, душа.

На «Иерихон» Басти Родригез-Иньюригарро

Привела дорога на постамент, на одно решение лишь
момент, и гляди сквозь стены монастыря, как картины
ярко в огне горят, как по линиям город пронзает ток - ты
не выдержал; впрочем, а кто бы смог? - ты взорвал про-
странство, как динамит, а меж рёбрами - мечется и болит,
и трещит от тяжести голова, но, касаясь смерти едва-едва,
ты ныряешь глубже в подземный ход, где железо режется
и поёт, где для вдоха маленький есть зазор...
Что же, с возвращением, командор.

Если ты хрупкий, стеклянный, как нитка бус,
Брось - и рассыплешься, тонкий ноябрьский лёд,
Если под языком стынет «я боюсь»,
А ноги упрямо, цепко идут вперёд -
Ветра и пламени холоду подари.
Пусть пустота внутри как струна поёт.
Нам, детям сидов, незачем ждать зари.
Драконий узор плечи ласково обовьёт
И вложит жемчужиной чёрной в ладони ночь.
Слышишь меня? Говори со мной, говори.
Прости, что никто не сможет тебе помочь.

Шаг в морозную ночь как рывок из круга.
Что мы все вместе значили друг для друга?
Что нам приснилось, кому мы приснимся вновь?
Мы порезали руки, и гончие чуют кровь.

Пять безмолвных ночей опадает снег.
Как тебе спится, ищущий человек?
Чьи голоса донесутся из-за оврага?
Ты не закроешь глаз. Тушь, перо, бумага.

Я наблюдаю город пять сотен лет.
Гончие снятся мне, гончие взяли след.
Если не резать пальцы о край листа -
Брать ими ноту.
Нота будет чиста.

Глаза бога смерти привыкли смотреть сквозь плоть.
Тебе это чувство в корне не побороть -
Так слушай, как искры струятся по позвоночнику.
Полу-нездешнему полу-Шуту полуночнику
Полу-позволено к полночи быть собой.
Гальку приносит к ногам ледяной прибой,
Если руку промочишь - что от тебя останется?
Глаза бога смерти бесстрастно следят за тобой
Из зеркала. Не смотри сквозь них. С тебя станется.

На «Хангайю» Оррофина

I

Те, что создали нас огнями,
Сами не избежали бездны.
Им отныне не править нами.
Звезды в небе ночном исчезли.

Из земных потаенных соков
И из песни, что шепчет пламя,
Мы свиваем узор до срока.
Наша воля, и мы - восстанем.

Мы стоим между сном и явью,
Мы читаем звучание мира
Мы написаны кровью, тканью
Наших судеб.
Мы - меч.
Мы - лира.

II

Мы - наследники черной тени.
Мы - носители слов Закона.
Нам один лишь шаг до забвения,
Мы - последний из всех заслонов.

В наших взорах немая бездна
Угасающих звезд разбилась.
Мир рожденный не станет прежним.
Уходи. Прощай. Сделай милость.

И когда, плоть от плоти тени,
Растворимся в ней и растаем -
Расскажи о нас в Новом Свете,
Расскажи о нас птичьим стаям.

Тем, кто вспомнит нас, усмехаясь,
Будто горстку летучей пыли -
Расскажи о тех, что остались.
Мы уходим во мрак. Мы - жили.

Черным крылом перечеркнут изгиб луны.
Кадуцей из серебра и белого золота
Звучит обертоном протянутой к звездам струны.
Вечно зелёное - значит ли «вечно молодо»?

Танец кружит и умеет считать до трёх,
После сбивается с ритма неровной россыпью.
Если я выжму газ, полечу вперёд -
Встретит ли горизонт того, кто сорвался с цепи?

Чтобы дышать, мне достанет считать до двух.
Не говори ничего, обращайся в слух.
Время идёт лёгкой поступью не спеша.

Тёмная ночь сиянием заговорит.
Если опять не сомкнёшь глаза до зари -
Можешь услышать, как тихо поёт душа.

Страшная сказка

Смотрит голодная тающая Луна
В окна, наивно увешанные гирляндами.
Ночи без отдыха, ночи без света и сна
Тихо стекают друг в друга сквозь сумрак лавандовый.

Ветер свистит, будто кличет поджарых псов,
Ловящих запах домашней еды и ладана.
Сквозь тихий смех пробивается уханье сов.
В тёмные ночи сбывается, что загадано.

Россыпью крошки алмазной искрится снег.
Зов Королевы. Не сдержат вино и снадобья.
Лунного голода ночи достанет на всех.
Там, за порогом, лишь ветер, сияние и холод.
И я.

Волосы пахнут полынью, а кожа - ладаном
 Что за проклятие, что за шальная награда нам
 Вечно стоять на границе иных ветров?
 Выстави стражу грозную, вырой ров,
 Я же пойду босиком, перепрыгнув, как вспорхнув,
 Выпустив сталь из рук и воздух из теплых губ,
 Прямо по рано высохшему жнивью.
 Розы готовят шипы певцу-соловью,
 Мне же предзимний ветер стелит постель.
 Сначала пожни, а потом, конечно, посеи,
 И молчи, чтоб никто не узнал: я вернусь другая.
 На закате кричит на разрыв вороная стая.

Не смотри в окна, закрывай двери. Никого не звать, никому не верить - наблюдай, как иней проступает вдруг над верхней губой. Прозвенел отбой, разлетелись птицы, филигранный замок тебе приснится, а шипы не колют сквозь рукавицы, но зачем они. Утекают дни, подступают ночи, это время дышит, оно короче, а мороз не страшен, ты ведь тоже хочешь свет звезд?
 Мы построим мост через реку вечность, и пальто изношенным человечность упадет под ноги, открыв беспечность черт ключиц и скул.
 Не смотри в окно, закрывай ставни, не смотри кино, не садись в сани, не снимай шубу, не ищи брода, не тяни губ. И не слушай труб, колокольных трелей, не гони коней, не забудь апреля, Расскажи мне, ну, так кого же ты обманул?

Глаза бога смерти смотрят сквозь мрак и пепел.
 Чешуйчатых воронов в небе растает стая.
 Если синяя птица моя есть на этом свете -
 Поймаю.

Серебряно-зелено зеркало и занавески.
 Терпко и тонко струна, натянувшись, зреет.
 Если касание точно и слово веско -
 Успею.

Мраком сиреневым залит лик небосвода.
 Тают в руках очертания тонких линий.
 Если ты слышишь меня сквозь все эти годы -
 Помилуй.

Юноша, наша задача - спасти Королеву.
Слышишь, ни шага вправо, ни шага влево - только впе-
рёд,
через тонкий лёд.
Тебя он выдержит, я-то знаю.
Но время тает: на той половине стоит она,
Снегами окружена.
Рыцари, ваша задача - сомкнуть доспехи,
Чтобы ни силы смертные, ни помехи
не добрались прибоем до тонких стоп.
Кто погибает - снова идёт на стол.
Что я могу вам сказать, господа офицеры.
Бейтесь бесстрашно, рискуйте без всякой меры.
Кто проиграл сегодня - на эшафот.
Зимняя вьюга лютует, она не ждёт.
Тихо ладьи приплывут в осаждённый замок.
Если в игре нет правил, то мы на равных.
Нет и того, кто запишет на досках счёт.
Я же шагаю навстречу ей.
Чёт.
Нечёт.

Не прикасайся пальцами, не дыши.
В этой густой, тягучей ночной тиши
Зорко посмотрит он с колдовских страниц,
Собранный из костей легкокрылых птиц.

Ты выдыхаешь имя. Я выдыхаю дым.
Город был пепельно-серым, а стал - седым.
Я, обретая танец, ломаю па.
Ты меня ловишь в полете, моя стопа
Ловко становится ровно в балетный шаг.
Ты меня держишь, я же - учусь дышать.
Ломко вдыхаю жизнь, выдыхаю - смерть.
Я рождена замирать во льду и гореть
И непременно петь, неизбежно петь.
Чем я еще могу сердце твоё согреть...

Я разбиваю рифму, ломаю ритм.
Лучший танцор, ты подхватываешь - частит
Сердце, привычное к Исе и Императору.
Ритм неизменника, кошки, прокрастинатора
Ровно разбит барабанной тугой строкой.
Я возвращаюсь туда, где живет покой,
Где сердце лежит на ладонях, ладонь - на тигре,
Если я встану, как нотный стан на пюпитре,
Будет ли это истинным торжеством?
Я прикасаюсь к музыке, в горле ком.

Ты прошиваешь солнечное сплетение -
И снова рождается танец, огонь и пение.
Верно, учитель, я сделаю па опять,
Пока ты касаешься, я - могу танцевать.

XIII

Клетка грудная разрезана ровно по линии
До пустоты.
Ты ли до мраморной четкости пальцами вылепил
Мои черты?
Эти касания горше полыни, изысканней, чем
шафран.
Ты сложишь «вечность» из белых, как лилии, те-
ней ран.

Фасции тянутся, глубже излучина у ключиц.
Ты ли направил по грани ветров, по обломкам
птиц?
Если дышать в безвоздушном пространстве не
тяжело,
Значит, сквозь плоть прорастает лопаткой твоё
крыло.

Гимн бессловесных, безмолвное таинство, танец
душ.
Ты ли слова вынимаешь из глотки, как крик - ан-
куш?
Если струна не порвется под пальцами, будет
штиль.
Верно, милорд, вы всегда в своем праве,
you're free to kill.

...и если нежность - это тонкий лёд,
не делай шага, если не крылат.
морозное вино не яд, не мёд,
никто не прост, никто не виноват,
никто не оказался на краю.
верней всего - прогулки по жнивью
в морозном воздухе седого ноября.
погашен счет, проведены ревью,
зажётся свет ручного фонаря,
и мотыльки летят в холодный блеск
ласкающей безбрежностью зимы.
касаться льда вовек не надоест.
полет над тенью.
далеки ли мы?..

Этот дым можно брать руками,
Эти руки не тронь, не тронь.
Отправляя молитвы ками,
Не забудь развести огонь.
Эти волосы и ключицы
Словно ветер нарисовал.
Эти кости как кости птицы.
Вспоминай же, кого ты звал?..
Не ходи по ночному снегу,
Не касайся тугих ветвей.
Не достанешь до неба, недо-...
Не ходить тебе меж людей.

Train-ing

Не веришь в себя - в тебя верят карты.
Хотя бы не изгнан, раз не оправдан.
Не самый прозрачный из вольных граждан,
Иди - стой.

Еще не миф, но мифологема,
Не common folk и почти богема,
Не канул в Лету как переменный -
И хорошо.

На сером небе - чернильный прочерк.
В начальной школе исправлен почерк,
Скорей поэма, чем просто очерк.
Ну наконец.

Не пишешь жизнь - так слагаешь буквы,
Не влился в строку, еще не Букер,
Но просто тень у реки, хранитель
Пустых сердец.

Modranecht

До рассвета - чертова дюжина лет.
Непрозрачных туч отраженный свет,
И пути ни вперед, ни обратно нет,
Только в глубь и темень.

До рождения солнца подать рукой -
Сквозь тягучий сон, колдовской покой,
Ледяных ветвей молчаливый строй,
Сквозь густое время.

До ответа вовсе одна строка,
Не найти ни дно ей, ни берега,
Эта ночь остановит часы, пока
Не найдешь отмычки.

Оттирая с век неподъемный сон,
Отыщи внутри молодое солн-
це, ну или хотя бы нашарь вино,
Коробок и спички.

Перевод с несуществующего

Твои брови как стрелы, глаза как лепестки лотоса, тонкий нос с изогнутыми ноздрями, изгиб губ подобен луку, но твою улыбку не описать словами, она рождает свет луны и солнца.

Твой голос как гром в горах, твой шепот тише шелеста реки, волосы чернее ночи и тело совершенного андрогина, но твой взгляд пробивает сердце, и как мне о нем сказать.

Твой месяц остр, как скальпель, твои змеи грозны, как смерть, твоя река бурная, почти как твой танец, твой пепел ароматнее сандала, но твое сердце... пусть твое сердце любит меня, лучше, чем мое умеет любить.
Но когда-нибудь я научусь.

«Не относись к себе слишком серьезно» - что может быть проще? Что может быть сложнее?..

Руки разомкнуты в круте исчерканных тушью страниц.
Заполночь кажется, будто за гранью лишь крики птиц.
Белоглазая тьма наступает бесшумно, кошачий шаг.
Кружево рун прорезает пустая, окно и знак.

В мареве дней тьма сочится на убыль сквозь пальцы рук.
Чем рисовать мой охранный, горячий, желанный круг?
Кожа немеет, кольцо со скелетом разведено.
Год-временщик ненавязчиво скалится сквозь окно.

Страхи, желания равно истлели в рассветной тьме.
Что я скажу, когда время придет отвечать зиме?
Пальцы разомкнуты, лёд очертил не кольцо, но шаг.
Время закончилось. В сетке волос прорастает мак.

Стихи по игре Hades

Что может быть нежней дыхания Смерти?

(А ткань трещит, натянута на пальцах.)

Прах крыльев бабочки сотрется между пальцев -

Но не твоих. Твои - искусней плети.

Пришпиленный к пространству метким взглядом,

Я протяну нектар как подношение.

Прикосновение - бездна искушений,

Но я держусь в руках, пока ты рядом.

И я держу лицо, зачем - не знаю,

Как будто должен отвечать на вызов,

И ты вручишь за этот раунд призом

Ту бабочку, что поймана на стали.

«Смерть приближается.»

Колокола звенят.

Близко ли мы? Я ловлю твой холодный взгляд,

Сквозь него пробивается лезвием точный выпад.

Ты танцуешь с косой. И пусть враг мой сейчас разбит, но

Мое сердце вот-вот разобьётся ему вослед.

Ты молчишь. Сколько вечностей, сколько бессмертных лет,

Сколько звонких мгновений до прикосновения к коже?

Я стою на другом берегу. Мы с тобой, похоже,

Так и смотрим друг в друга через кровавый Стикс.

Синий свет уже тает. Постой! Я здесь. Обернись

И прими эту каплю нектара в немеющих пальцах.

А теперь уходи... Что же это? Стрелой в груди -

Твоя бабочка на игле, вечный дар скитальцу.

Ты молчишь, ты само безмолвие. Ярко-алый поток моей крови ловит пульс, что пронзает твой ихор. Я стою отражением. Тихо... Тихий звон колокольный ложится на опущенные ресницы, будто пальцами на запястье.

Между нами... Погибель? Счастье?

Этот миг бесконечно долог. Будто ветром приподнят пол, и я вижу на дне зрачков... показалось ли? Повезло?

Притяжением приколот к полу, я держу в себе этот голод, он снедает меня, как пламя. Лишь твоими, my death, руками его можно заставить петь. Эти руки как лед, как плоть, как амброзия для умерших.

Средь теней позабытых здешних я один тебя призываю.

Так убей. Я стою у края.

Zagreus / Thanatos

Пронзённая бабочка колет иголкой пальцы

Влюблённому в Смерть её ли теней бояться?

Я жду тебя в алом потоке по пояс в крови.

Твой холод меня обжигает внезапной дрожью.

Мы пламя и лёд, и становится мир моложе,

Когда между нами из тока родится вихрь.

Ты имя для самой святой из моих молитв.

Розовые бабочки с острыми крыльями
То ли агония, то ли бессилие
Побег от себя в мир, где я неспособен дышать.
И опять.

Текст, нехимический вид анестетика,
Некий морфин, форма для кинестетика,
Легким похмельем звенит пустота в голове.

Фраза? Две?

Объятием смерти кольцо на фаланге,
Стройнее ряды и сплоченнее фланги,
Но бабочки так невесомы, и я окружён.

Яркий сон.

Текст на экране - давай сеять смерть.

Я сею и жну, не устану смотреть,

Как заревом взорванных башен горит Флегетон.

То закон.

Целебный и ранящий яд красоты,

Сквозь миражи проступают черты

Слова. И волю зови, не зови -

Яд в крови.

Тайна богов смерти:
Самайн - это Стикс,
Но Бельтайн - Элизиум.

Такая тишина, что слышно время.
Дай только строчку, зацепиться взглядом.
Но пальцы над бумагами немеют,
И злая пустота сочится ядом
На лист, застывший в хрупкой белизне.
Зима велит отдать себя зиме,
Былые цепи размыкают звенья.
Нам всем хотя бы чуточку везения
В густой, обледеневшей, жгучей тьме.
Дай только слово,
я продолжу пение.

Веером солнечных лезвий
вскрыта завеса зимы
я просыпаюсь из тьмы,
холода, камня, железа.

Свет не имеет веса.

Прошедшие смерть - спасены.

Drachen

Он просыпается в чреве земли вулканом
Точка. Тире. Его голос цветет огнем
Ярость не в алых потоках горячей магмы
Ярость - под пеплом, что похоронен в нем

Город ложится под плеть, обвиваясь ею
Горечь бессмертия стенки гортани жжет
Ярость и кровь - то единственное, чем владеет
Слова касаясь, песок превратится в лед
Море обнимет пылающий хлыст пожара
Кто еще сможет вместить исступленный яд
Волны вздымаются к небу. Смерть, где твое жало?

...Он просыпается в тысячный раз подряд.

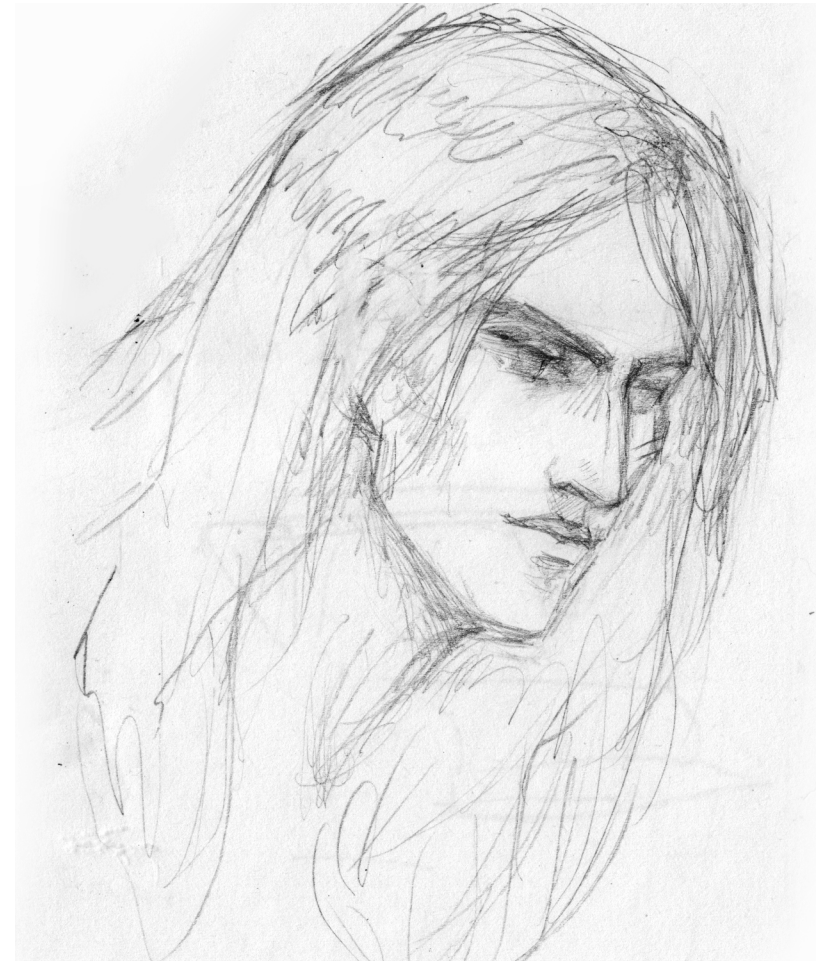
Сколько пробито замочных скважин в виде сердец.
Скрежет металла, вой опаленных нервов.
Пока ты не сдашься, помни: еще не конец.
Каждый Бельтайн взорвется в груди, как первый.
Тело отброшено ворохом легких одежд.
Шаг по канату, натянутому над пропастью.
Миф обжигает сотнями терагерц.
Сшибает под воду вращением огромной лопасти.
Отзвук бессмертия сквозь переливы струн.
Больно дышать на эту стрелу нанизанным.
Следуя циклу перерождения лун,
Встречай свою смерть как таинство, мифом избранный.

Ветер
бескрайний ветер
плоть облетает, как старая штукатурка
вечер
ты ждешь под вечер
ты темнота в глотке мертвого переулка
свечи
истлели молча
сонных артерий коснулись холодные пальцы
встреча
для незнакомца
ты слишком знакомо не оставляешь шанса
бойня
весенних истин
с радостью вскроет зажившие старые шрамы
бойся
зеленых листьев
этой удушливой сладости панорамы
песня
на дне колодца
тусклой водой серебра незабвенной Леты
вести
с изнанки солнца
семя граната и веточка бересклета

- Она убьет тебя.
Меня.
Её.
И станет королевой.
- Пока есть шанс, я должен помешать. -
Незримый маятник качнулся вправо... влево...
Стоп-кадром в вечность отчеканен миг. Опять.
Растерянно. Отчаянно. Безумно. Как плетъ:
- Я не хочу тебя терять!
- Идём со мной, - негромким эхом струнных,
задетых ветром.
Призрачная гладь
поверхности
над плит земных разломом.
И шаг навстречу. Звякает металл,
освободив запястья под теплом ладони
и магии.
Сияющий оскал
ошейника, раскрытого руками,
и хищный блеск на каменном полу.
Стоят и молча смотрят друг на друга.
Сколько веков сквозь тонкую иглу
мгновения скользит в бездонном вихре?
Задумчиво, как будто под водой,
касаются чеканных шрамов пальцы,
а губы - губ.
Свобода.
- Ты со мной?
Ответное касание на ощупь
и шаг назад.
И холод тишины.

- Иди сейчас. Не дай мне передумать.
Неисправимо зло.
(Тревожны сны.)
(Неравен бой.)
(Уже не будет проще.)
(Не отвечай.)
(Надежде не солгать.)
Холодным камнем брошенное в стекла:
- ...я буду ждать.

Brian Kinney

За верность своему сюжету
Немалый риск лишиться веры
Ты зажигаешь сигарету
Но кто-то держит на прицеле
Ты каждый день играешь в бога
Но кто-то слышит, как ты дышишь
Манящий призрак эпилога
Тишайшим шелестом по крыше
Show must go on. Горят софиты
Десятков восхищенных взглядов
Сильнее, злей, циничней, выше
Но что же делать с этим ядом
Кружится мир, сжимаясь в точку
Пульсирует стальное сердце
И если жизнь дана в рассрочку,
Ты платишь честно.
Замки на ключ, this way it's safer,
Никто не пожалеет зверя.

...на что ты никогда не ставил -
Стучится в двери.

Hades/Kora

Опять на моей ладони
Пепел истлевших бабочек
Шепот трав не догонит
Ветер в твоём крыле
Сладостный миг агонии
Огненный круг пылающий
Легкая тень прощания
Лодка в извивах рек
Мир бесконечно солнечный
Стонет от пробуждения
Скоро пронзят подснежники
Мерзлую злую твердь
Свет мой далекий, помнишь ли
Музыку возвращения?
Древний певец безмолвен, но
Скоро продолжит петь.

Пробный рэп

Двери закрываются до следующей станции,
Поезд - это миф, он неподвластен гравитации
Купите индульгенции, признание, овации
Подайте на забвение до новой итерации.

Закрытые холмы. Нас не украли фэйри
Но каждому по битве - или каждому по вере?
Мы подарили голос романтической химере
Придут ли нам на помощь фантастические звери?

Строки разбиваются
Волнами о скалы
Кто стоит за маской
Моего оскала?
Кто глядит из бездны
Жадными глазами?
Неужели этот мир
Мы написали сами?

Время распаковано в минуты и секунды
Пульсацией под кожей бьется anima mundi
Сложившийся узор, комбинация рун, ты
Так же одинок, как все эти люди

Играющий ва-банк, едешь до конечной.
Из Хогвартса не пишут. Что такое человечность?
Ты воплощенный миф, но от этого не легче
Время, как змея, обвивает плечи.

Ко мне приходят те, кем я могла бы быть.
Смотрят в глаза, трогают волосы.
До одних не хватило поворота судьбы,
До других - силы голоса.
Третьи и вовсе мечта о чуде.
Они верят, что сбудутся.
Я раздавлена весом разбившихся судеб.
Обездвижена ужасом.

Он резко делает шаг вперед,
Берет подбородок в пальцы.
«Пойди и сломай этот вечный лед,
Не оставь ему шанса.
Переверни стрелки часов,
Перекрой карту.
Я дам тебе смелость отчаяния и
Силу азарта.»

Он любит кровь и холодный металл,
Ярость и власть.
Знает, как плакать, как держать зал
И как не упасть.
Я соглашаюсь. Кости вправляют
Ловкие руки.
Плача от боли, шагаю вперед.
Зубы сжимая, шагаю вперед.
Я, улыбаясь, шагаю вперёд.
А шансы - назад.

...

Над городом тучи. На солнце упала тень.
Может быть, случай, а может, мифологема -
Гончие до зенита от врат эдема
Лишь ускоряют бег, слышен лязг когтей.

Скрывайся, застынь не дыша, принимай удар -
Полоска живой земли сократилась вдвое.
Никто не оценит твой пламенный взгляд героя,
Когда ты посеешь ветер, а не пожар.

Чужой в своем доме и на своей земле,
Попробуй поднять тяжелый металл свободы.
Посеянное в годы засух не даст восхода,
Раствор серебра в крови не заменит свет.

Жажда, жадность и жизнь
Говорят не бояться встречи.
Под случайным ударом
Неловко трепещет стекло.
Ночь июньских аллей
Истекает безмолвной речью.
По кругам на воде
Добирайся до центра волн.

Ночь в июле, бесспорно, полна соблазна.
День выжигает мысли. Латунный звон.
Небо заполнено душным горящим газом.
Не вернулся в склеп до рассвета - пожалуй вон.

Туго натянутый лук посылает пламя
На орбиту, за власть притяжения, за горизонт.
Смилуйся, реки любви осушая вплавь, я
Не переменная, вспышка, но не закон.

Тонкий луч
Обвовьет запястье цепочкой
Я вернусь
В мир живых ослепляющей ночью
Я скажу,
Если ты захочешь услышать,
Как звенит
Тишина, пронзившая крыши
Я живу
От заката до полувздоха
Ночь в траву
Уронила пепел эпохи
Ты молчишь
Тишина, ни слова, ни крика
Вздрагнет лишь
Тонкий луч, разбитый на блики

Кучевые собраны войска.
Холод стали переплелся с ветром.
Вороны кричат издалека.
Воздух стал прозрачней, звонким, терпким.
Сердце откликается струной.
Тонких вен касается прохлада.
Я открою. Там пришли за мной.
Трепет. Ожидание. Отрада.

Звезды никогда не погаснут.
Холодно, трепетно, ясно.
Ветер сменился ночью.
Звон струн.

По небу мчится охота.
Я выхожу за ворота.
В небе моем мчат в зените
Пять лун.

Таёт улыбка оскалом.
Век не довольствуюсь малым.
Вновь запрягаю коня.
На восход!

Дикое, темное сердце
В яви не может согреться.
Холод кристального танца,
Вперёд!

Коснешься скальпеля - порежешься на полости. В ладони соль, и власть пуста, но держит лопасти винта турбин. Ты пустота, звенящий голос отражается от сводов стен. Ты просто есть, а где-то в келье кто-то молится, встает с колен - и заряжает горло дробью, и ещё одной литой, из серебра. Предгрозье кончилось, и воздух жжется и скрипит. Печёт жара вульканьей пасти, и в огне не сохранить всю остроту стальной иглы, и рвется нить, но сталь глядит глазами хищных саламандр, и танец тянется, и лижет шпиль пожар.

Мабон 2021

Сердце питает кровью холодную землю.
Дом где-то там, за пределом земных путей.
Ветер ласкает полуночной колыбельной.
Матерь земля поедает своих детей.
Невыносимо ходить далеко от неба.
Конь нервно ржет, чутко слыша далекий зов.
С кем мне испить вина и отведать хлеба?
Кто меня манит покинуть очаг и кров?
Дым будоражит, а дождь рассекает кожу.
Россыпь из тайных знаков ложится в ритм.
Скачка на крыльях ветра опять дороже,
Чем эксцентричная прихоть прослыть живым.

Если звезды не погаснут, то готические шпили не устанут приближаться к небесам.
Если небо будет ясным, то откроются дороги в Аннуин ли, Дюссельдорф ли, Роттердам.
Звуки речи колют кожу, meine Sterne вечно требуют огня. Для влюбленных в них до дрожи есть ли камни, что мелодию хранят?
Есть ли тайные чертоги, где расправил крылья легкий самолет?
Путь чернил и рек похожи, а в глазах соединились сталь и лед.
Легкий ветер межсезонья призывает становиться на крыло.
Мчатся к горизонту кони, если путь тебе открыт - то повезло.
Если заблудился ветер в бесприютных, безмятежных волосах,
Пусть проводит до ответа, до билета, до полета, до sie macht.

Осенний ветер за полночь приносит дождь. Знакомым
холодом пронизывает дрожь. Ты за спиной, прямого
взгляда ждешь. Ну что ж, посмотрим.

Изящным жестом скинут капюшон. Тебя здесь ждут,
распахнутый оконный окоем и непришедший сон тому
порукой.

Полынный запах в белых волосах - так пахнет смерть,
желание и страх, так капля тверже стали на весах, так
пахнут кости.

В тени луны нет времени и слов, и путь открыт тем, кто
давно готов, и каждый миг так исступленно нов, как вы-
стрел лука.

Твоя рука касается, как ночь. Немую вечность ждать, что
ты придешь -
А ты всегда так близко, словно дождь
И шаг из круга.

Говори со мной до зари.
Незакрытую дверь отвори
И войди, как туман и дождь.
Вот и полночь: чего ты ждешь?

Вот и осень: чего ты ждал?
Обнажает сентябрь оскал
Алой кровью вечерней зари.
Я прошу тебя: говори!

Говори о хвосте эпох,
О сплетении трех дорог,
Знаках, блазнящих миражи,
Что лежит на душе - расскажи.

Говори о химерах, льдах,
Об огне, об иных местах,
О созвучии берегов,
Избавлении от оков.

Говори, эта ночь без сна.
В рамке окон взойдет луна.
Говори со мной, не молчи.
Эта ночь подберет ключи.

Примечания

Художник Rami fon Verg: https://vk.com/rami_fon_verg_art

Стр. 27, 29, 31 - художник AnnDR:

https://vk.com/anndr_art

Стр. 37, 39, 43, 45 - Елена Куканова

<https://vk.com/kukanovaart>

Стр. 49, 51 - Нюта Валериус

<https://vk.com/nyutavalerius>

С. 3 - первые две строки от Басти

С. 174 - первая строка Басти.

С. 199 - вороны от Verhel' Ashaya

